

На правах рукописи

Лошаков Александр Геннадиевич

СВЕРХТЕКСТ: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, ТИПОЛОГИЯ

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Киров – 2008

Работа выполнена на кафедре русского языка ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»

Научный консультант: кандидат филологических наук, профессор
НИКОЛИНА Наталья Анатольевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
ЛЕДЕНЁВА Валентина Васильевна
ГОУ ВПО «Московский
государственный областной университет»

доктор филологических наук, доцент
ИВАНИЦЕВА Ольга Николаевна
ГОУ ВПО «Мурманский государственный
педагогический университет»

доктор филологических наук, доцент
САНДАКОВА Марина Всеволодовна
ГОУ ВПО «Вятский государственный
гуманитарный университет»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Нижегородский
государственный лингвистический
университет
им. Н.А. Добролюбова

Защита состоится 29 октября 2008 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.041.04 на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002 Киров, Красноармейская, 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»

Автореферат разослан « _____ » _____ 2008г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

К.С. Лицарева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению сверхтекста – текстового феномена, который не укладывается в схему традиционных представлений о каноническом тексте и требует комплексного филологического анализа, совмещающего лингвистический и литературоведческий подходы. Научный интерес к проблеме **сверхтекста** как ряду самостоятельных произведений словесного искусства, актуально и/или потенциально воспринимаемых в культурной практике (текстовой деятельности) в качестве целостной единицы, был инициирован известными работами В.Н. Топорова о Петербургском тексте. Из двух конкурирующих терминов – «гипертекст» и «сверхтекст» – мы отдаем предпочтение второму в силу его сопряженности с отечественной традицией изучения стоящего за ним феномена.

Актуальность исследования обусловлена общими тенденциями в развитии современного научно-гуманитарного мышления – ярко выраженным антропоцентризмом, взглядом на текст как высшую коммуникативную единицу и лингвокультурологическое пространство, осознанием того, что решение проблем, стоящих перед той или иной гуманитарной дисциплиной, возможно лишь на пути интеграции научных парадигм, с позиций метатеоретического знания (В.С. Библер, М.Л. Макаров, М.В. Попович, М. Фуко), с установкой на построение целостной теории языка (Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Бабенко, Н.С. Болотнова, В.З. Демьянков, В.В. Карасик, О.Г. Ревзина и др.). Качественное расширение сферы объектов гуманитарного знания делает все более и более востребованными как сами понятия сверхтекста и гипертекста (в разных его пониманиях), так и той лингвоконцептуальной реальности, которая стоит за ними. И в этом аспекте проблемы раскрытия словесно-концептуальной сущности сверхтекста, разработки гибкой его дефиниции, типологии, выявления содержательных основ категорий сверхтекста, рассмотрения механизмов его функционирования в текстовой деятельности, описания процессов, обеспечивающих его «внутреннюю жизнь», в настоящий момент приобретают актуальный и дискуссионный характер. Ряд аспектов обозначенной проблематики ставятся и решаются в работах В.Н. Топорова, З.Г. Минц, М.В. Безродного, А.А. Данилевского, Ю.М. Лотмана, Н.Е. Меднис, В.В. Абашева; Н.А. Купиной, Г.В. Битенской, Н. Брауды, И.В. Быдиной, Л.В. Ениной, Л.М. Ждановой, Н.Ф. Нижник и др. В силу того, что теория сверхтекста еще не сложилась и имеет ряд дискуссионных моментов, а объем научных знаний по проблемам сверхтекста и сходных, смежных с ним феноменов (интертекст, гипертекст, ансамбль, цикл и др.) возрастает, задача обобщения имеющихся результатов в изучении сверхтекста, которая решается в диссертации, также имеет актуальный характер.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней представлена обобщенная дефиниция понятия «сверхтекст»; раскрыты его сущностные характеристики, определен ряд критериев для типологизации сверхтекстов, учитывающий концептуальное содержание составляющих модели литературной коммуникации; осуществлен комплексный филологический – междисциплинарный, разноаспектный – подход к описанию модели сверхтекста как словесно-концептуального феномена, как едино-цельного семантического пространства, создаваемого некоторым классом текстов, отмеченных теми или иными редуцируемыми, интенционально сопрягаемыми цельностями;

охарактеризованы прагмасемантические, лингвокогнитивные механизмы, обуславливающие целостное восприятие сверхтекста. Характер новизны исследования обеспечивается также содержащимся в нем описанием нескольких разновидностей сверхтекста – индивидуально-авторского, индивидуально-авторского локального, коллективно-авторского журнального и предельно-минимальной формы сверхтекста – пародийного битекста. При этом реализованный в работе комплексный коммуникативно-деятельностный подход к материалу исследования – классическим текстам В.М. Гаршина, З.Н. Гиппиус, журнала «Свисток» – сатирического приложения к «Современнику» (1859–1863), а также к текстам русской литературной пародии – как к сверхтекстам открывает новые аспекты в понимании их идейно-художественной сущности, в частности выявляет роль редуцируемых и актуализируемых целостностей («памяти слова», «памяти жанра») в обогащении глубинных пластов текстовых составляющих сверхтекста, в актуализации и реализации жанровой и текстовой модальности.

Объектом исследования в работе являются единицы русской концептуальной текстосферы – это, с одной стороны, совокупности текстов, которые в культурной практике воспринимаются в качестве актуальных или потенциальных целостных сверхтекстовых образований, с другой стороны – целокупности текстов (битексты, политексты), имеющие сверхтекстовую природу.

Предметом исследования являются лингвистические и экстралингвистические факторы и средства, которые, актуализируя концептуальный потенциал языковых единиц и инициируя центростремительные и центробежные межтекстовые связи в границах определенной общности текстов, обеспечивают их сверхтекстовую целостность, смысловую многомерность, создают возможность для проявления и обнаружения неструктурированных смыслов.

Цель работы состоит в раскрытии сущностных характеристик сверхтекста как словесно-концептуального феномена; выявлении и описании экстралингвистических и лингвистических факторов и языковых средств (механизмов), которые, с одной стороны, определяют его целостность и обуславливают процессы смыслопорождения во внутреннем его пространстве, с другой – обеспечивают возможность функционирования сверхтекста как целостного образования во внешней среде, в культурно-языковом пространстве.

Поставленная цель определила следующие **задачи исследования**:

- характеристика теоретико-методологических предпосылок и основ концепции сверхтекста;
- обоснование критериев выделения сверхтекста и его типологизации;
- выявление и описание его конститутивных признаков, дефинирование его понятийной сущности;
- установление внешних и внутренних факторов (принципов), обеспечивающих относительную устойчивость сверхтекста, языковых средств, конституирующих его целостность; позволяющих ориентироваться в его многомерном пространстве; характеристика типов связи как конститутивных средств сверхтекста;
- описание особенностей словесно-концептуальной организации сверхтекста, определение роли когнитивных (концептуальных) структур в конституировании его смысловой когерентности и многомерности; описание

механизмов порождения и трансляции смыслов в рамках сверхтекста;

– определение минимальной предельной текстовой формы выражения сверхтекста и описание его прагмасемантической структуры (на примере пародийного битекста);

– описание системы прагматических актуализаторов, обеспечивающих усмотрение целостности сверхтекста и определяющих способ его интерпретации;

– представление опытов описания отдельных типологических разновидностей сверхтекста.

Теоретическую основу исследования составляют положения и научные понятия лингвистики текста, семиотики, литературоведения, цикловедения, лингвопоэтики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, психологической герменевтики, прагматики, деривационной теории, разрабатываемые в трудах отечественных и зарубежных ученых (Э.Г. Аветян, И.В. Арнольд, М.М. Бахтин, Р. Барт, В.С. Библер, А.А. Брудный, А. Вежбицкая, А.Н. Веселовский, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, И.Р. Гальперин, Б.М. Гаспаров, М.Л. Гаспаров, А.И. Горшков, М.Н. Дарвин, Т.А. ван Дейк, В.Б. Касевич, А.Н. Кожин, Е.С. Кубрякова, Н.А. Купина, Б.А. Ларин, Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, Л.Н. Мурзин, Т.М. Николаева, Н.А. Николина, А.А. Потебня, Л.В. Пумпянский, Л.В. Сахарный, Ю.С. Степанов, Ц. Тодоров, В.Н. Топоров, Ю.Н. Тынянов, В.И. Тюпа, Н.А. Фатеева, И.В. Фоменко, М. Фуко, А. Шюц, Р. Якобсон и др.).

Подчеркнем, что нас интересуют главным образом письменные тексты, которые относятся к сфере **словесного искусства**, тексты, в которых главенствует коммуникативно-эстетическая функция, подчиняя себе функцию коммуникативно-информационную, свойственную текстам нехудожественным. В качестве **единицы анализа и интерпретации** в нашей работе выступают, с одной стороны, фрагмент текста, отдельный текст, несколько текстов, при этом каждый из элементов данного ряда, отдельно или вкуче с иными, мыслится как цельность, которая корреспондирует к релевантному концепту или фрагменту концептосферы текста и сопрягается с иными цельностями иных текстов, тем самым представляя собой составляющую сверхтекстового образования, с другой стороны – само это целостное сверхсложное, сверхсемантическое образование – сверхтекст.

Предельно-минимальной формой воплощения сверхтекста в исследовании признается форма битекста, а в качестве одной из типичных его жанровых форм рассматривается пародийный текст, целостность которого конституируется по крайней мере двумя исходными семантическими структурами – прототекстуальной и метатекстуальной. Поскольку в отдельном тексте в «свернутом» виде содержатся и тексты «прошлого», и тексты «будущего», постольку воздействие смысловой установки инициирует в нем актуализационные процессы, обеспечивающие проекцию текстов с «оси селекции на ось комбинации» (Р. Якобсон) и смысловое взаимодействие этих текстов в призме смыслов центрирующего текста. Допустимо предположить, что такого рода «текст-формула», или, иначе говоря, цельность, – это и есть тот идеальный конструкт в концептосфере личности, который замещает, метонимизирует, «помнит» едино-цельный поэтический мир, запечатленный в определенной совокупности текстов. Соответственно, вопрос о «свернутой» форме

существования сверхтекста выводит в плоскость концептуального, уравнивая в правах подходы к тексту, с одной стороны – от текста, совокупности текстов, материально выраженных, данных восприятию в **словесной** оболочке, развернутых во времени и пространстве, с другой – от текста-концепта, «текста-формулы» (А.К. Жолковский) в момент его актуализации, в момент «развертывания» того или иного его сегмента, актуального для сознания.

В качестве **методологической основы исследования** сверхтекста в работе использовался *коммуникативно-деятельностный* подход к тексту как форме коммуникации, явлению идиостиля с учетом структуры, семантики, прагматики текста. Данный подход интегрирует такие взаимосвязанные и дополняющие друг друга принципы, как антропоцентрический, интерпретационный, когнитивно-концептуальный, текстоцентрический, лингвоцентрический. Отметим также, что хотя прямой ориентации на *синергетическую* парадигму, ее понятийный аппарат наше исследование не имеет, однако в ряде случаев представленная в нем интерпретация линводинамики сверхтекста оказывается сообразной тому представлению о «внутренней жизни» текста, которое нашло отражение в концепциях, рассматривающих текст как синергетическую систему.

Для достижения поставленной цели и решения задач исследования в работе использовались как общенаучные **методы и приемы** (наблюдение, систематизация, классификация, описание, моделирование и др.), так и методы филологического анализа: семантико-стилистический; сопоставительно-стилистический; дискурсный, контекстологический, композиционный, структурный, каждый из которых нацелен на изучение особенностей функционирования текстуальной единицы как в рамках целого текста, так и сверхтекста, что позволяет решать проблемы смыслового наращения, смысловой трансформации, транспонирования и интроспекции объективных («свершившихся») смыслов в границах пространства сверхтекста; интертекстуальный, позволяющий фиксировать выход текста за пределы себя в мультитекст культуры, в пространство текстовой концептосферы и обратное движение, обогащающее смысловой потенциал текста; концептуальный анализ; методика моделирования текстовых пространств; принципы и приемы стилистики декодирования; мотивный анализ; биографический метод и др.

В работе выдвигаются следующие **гипотезы**:

1. Сверхтекст создается на основе направленной ценностно-смысловой установкой актуализации «памяти живого поэтического слова» (Н.А. Фатеева) в рамках усмотренной целостности некоторого числа самостоятельных текстов.

2. Осознание целостности некоторого числа автономных текстов становится пусковым механизмом для переключения в режим нелинейного прочтения (перечитывания) текста – интроспекции, для актуализации содержания релевантных концептов, преактуализации ассоциативно-смысловых связей и парадигм разного порядка цельностей, для деавтоматизированного их восприятия и осмысления.

3. Проявленные сверхтекстовые отношения непременно сказываются на смысловой структуре коррелирующих текстуальных единиц, обнаруживая их смысловую полифоничность как результат актуализации тех потенциальных концептуальных смыслов языковых единиц, «свернутых текстов», которые стоят за ними, что в иных условиях может или не осознаваться, или улавливаться сугубо

в виде мерцающих, неидентифицируемых смысловых обертонов, коннотативного фона.

4. Отношения коррелирующих в рамках сверхтекста текстуальных единиц имеют метатекстуальный и «тропеический» характер, а временной параметр в цепочке «претекст – текст» теряет свою значимость.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сверхтекст – это ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных словесных текстов, которые в культурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного интегративного диссипативного словесно-концептуального образования, как составляющая ахронического культурного пространства – национальной текстовой концептосферы. Основными условиями проявления сверхтекстовой сущности является феномен «профилированного чтения» (Р. Барт) как вид культурной практики, усмотрение целостности ряда текстов, актуализация релевантных метаконцептов, отвечающих за выбор способа интерпретации текста, за переключение с одного кода семиотического осознания текста на другой, за переход из одного режима культурной практики («чтения для удовольствия») в другой (чтение профилированное, профессиональное).

2. Сверхтекст – это динамическое, многомерное, кросс-темпоральное, кросс-референтное, актуально или потенциально кросс-персональное, полижанровое, полистилистическое образование, находящееся в зависимости от полагаемого автором (составителем, интерпретатором) сверхтекста принципа ценностно-смысловой центрации, которая предусматривает выдвигание в качестве приоритетных тех или иных смыслов (текстов), определяя вектор вероятностного ассоциирования и актуализации содержания релевантных концептов; мотивирует способ распределения и взаимодействия в едином семантическом пространстве сверхтекста его разноуровневых составляющих, обеспечивая оптимальную устойчивость (равновесие) системы.

3. Сверхтекст открыт для множества интерпретаций (количественный аспект), и потому для вариативных линеаризаций (качественный аспект) – т.е. для прочерчивания определенных смысловых траекторий в нелинейном словесно-смысловом пространстве, но в соответствии с принципом центрации, не противоречащим авторской концепции текста. Сверхтекст проявляет системные свойства каждого из входящих в него текстов, при этом в той или иной его составляющей – отдельном тексте, субтексте находят отражение свойства целого – сверхтекста.

4. Цельность, понимаемая как парадигматический феномен, является конститутивным компонентом сверхтекста, обеспечивающим его концептуально-семантическую протяженность (итеративность) и коммуникативно-смысловую целостность. В сверхтексте проявление парадигм цельностей находится в зависимости от принципов его моделирования (интерпретации) – «внезаходимости» точки зрения интерпретатора; усматриваемой целостности; принципа контекстуальности; принципа релевантности/нерелевантности тех или иных контекстов; центрации актуализируемых и преактуализируемых смыслов и смысловых элементов.

5. Типологическая классификация сверхтекстов может быть построена с ориентацией на концептуальное содержание составляющих модели первичного и

вторичного звена литературной коммуникации, с учетом статуса и ценностно-смысловых позиций авторов сверхтекстов и метасверхтекстов, а также внутренних субъектов текстовой деятельности, общих особенностей референта, кода составляющих сверхтекста и метасверхтекста, характера смыслового сцепления, количественного состава текстов, объединяемых в сверхтекст или метасверхтекст, степени известности последних. Выделяются следующие разновидности сверхтекстов и метасверхтекстов: актуальные, актуализированные и потенциальные; индивидуально-авторские, коллективно-авторские, квазиавторские, анонимно-авторские; собранные и несобранные; однотипно и неоднотипно структурированные; сильные и слабые с жесткой и нежесткой структурой; тематические – локальные, именные, событийные и др.

6. Предельной, минимальной формой воплощения сверхтекста является семантически производный, «вторичный», текст, содержащий в «свернутом» виде иной текст, по отношению к которому метатекстуальная структура вторичного текста выполняет функцию модально-смысловой центрации. Показательным образцом предельно-минимального сверхтекста является синтетический, сильный, с жесткой структурой текст литературной пародии. В пародийном сверхтексте весомым фактором смысловой центрации является предопределенная жанровым метаконцептом пародии установка на комический способ представления особенностей прототекста.

7. Ценностно-смысловое центрирование в авторских сверхтекстах обусловливается «текстом жизни» автора, авторскими эстетико-мировоззренческими установками и отражающей их системой словесно-концептуальных соответствий (сквозные словесные ряды и релевантные им концепты и метаконцепты, доминирующая текстовая модальность, концептуальные смыслы заглавия, эпиграфов, метатекстуальных структур и др.), а в локально-авторском – еще и соотносительностью «локально» отмеченных словесных рядов с одним и тем же референтом – «местом памяти».

8. Система прагмасемантических актуализаторов сверхтекста позволяет ориентироваться в словесно-концептуальном пространстве сверхтекста, выбирать релевантный режим интерпретации, инициирует направленные процессы смыслопорождения, которые осуществляются на основе, с одной стороны, центростремительных межтекстовых связей (в рамках сверхтекста) и, с другой – центробежных интертекстуальных связей, ориентированных в сферу смыслов тех текстов и контекстов, которые находятся вне сверхтекста, но в пределах актуальной для него части текстовой концептосферы, и, будучи актуализированными, интроецируются в текст, обуславливая его смысловую глубину. Благодаря центростремительным связям происходит стяжение текстов в едино-цельную конструкцию, благодаря центробежным – очерчиваются контуры «вписанности» сверхтекста в релевантное для него пространство текстовой концептосферы.

Материал исследования. Массив сверхтекстов представляет собой достаточно обширный и разнородный в языковом плане материал. Поэтому выбор текстов для анализа определялся исходя из проблематики и задач исследования. Важным представлялось представить наиболее типичные разновидности сверхтекста, определить смысловые корреляции между авторским содержательным принципом смысловой центрации, находящим выражение в

разной текстовой модальности, системе актуализированных концептов, предметно-логическом плане текстов и пр., и направлением актуализационных процессов в интегративном семантическом пространстве сверхтекста. Для описания таких разновидностей сверхтекста, как коллективно-авторский, индивидуально-авторский, индивидуально-авторский «локальный» были, соответственно, взяты тексты «Свистка» (1859–1863) – сатирического приложения к журналу «Современник»; тексты произведений В.М. Гаршина, поэтические и критические тексты Н.А. Добролюбова, З.Н. Гиппиус, Г.В. Адамовича и др. Существует много подтверждений того, что в литературно-общественном сознании эти тексты воспринимаются как некие целостные словесно-концептуальные образования, однако в таком аспекте они никогда не исследовались. К тому же и тексты «Свистка», и тексты произведений Гаршина, Гиппиус недостаточно изучены с точки зрения металингвистики и лингвопоэтики. Постановка вопроса о предельно-минимальной форме воплощения сверхтекста обусловила обращение к классическим и современным текстам литературной пародии и их прототекстам. Компактность синтетичной формы, политекстуальность, конструктивная упругость, центрирующая роль жанровой комической модальности, смысловая уплотненность и в то же время достаточная смысловая обозримость, преимущественно явным образом выраженная коммуникативно-целевая установка, акцентированная тем или иным способом система прагматических актуализаторов, механизация, доведение до штампа большого ряда художественных приемов (что особенно характерно для современной литературной пародии) – именно эти особенности пародийных текстов и обусловили их привлечение в качестве рабочего материала для исследования межтекстуальных связей своего рода механизма концептуализации текста, той системы прагмасемантических актуализаторов, которая обеспечивает целостность сверхтекстового образования, заключающего в себе N-арное число автономных текстов.

Теоретическая значимость работы состоит в следующем:

- эксплицированы основные теоретические положения, на основе которых складывалась теория сверхтекста и которые получили свое развитие в работе;
- предложена обобщающая дефиниция понятия «сверхтекст»; определены принципы и приемы его моделирования и филологического анализа;
- на достаточно широком материале обоснован подход к моделированию сверхтекста на основе презумпции его целостности, что позволило выявить механизмы, обуславливающие разной степени смысловое стяжение текстов и возникновение сильных и слабых сверхтекстов с жесткой и нежесткой структурой; а также подход, учитывающий принцип смысловой центрации, создающий возможность определять направление интерпретации сверхтекста;
- раскрыта роль парадигм цельности, репрезентируемых сквозными словесными рядами, роль метаконцептов, коррелирующих с главенствующими целевой и прагмаэстетической установками сверхтекста и преломляющих в силу этого свое содержание в словесно-образную структуру текста, как конституэнтгов динамического, диссипативного сверхтекстового образования;
- предложены критерии типологизации сверхтекстов;
- показана роль средств комической и трагической модальности в конституировании сверхтекстовых единств;

– описаны модели индивидуально-авторского Гаршинского текста; индивидуально-авторского локального Петербургского текста; коллективно-авторского журнального сверткста «Свисток»;

– охарактеризованы структурные, прагмасемантические, концептуальные особенности предельно-минимальной формы реализации сверткста на примере пародийного битекста.

Практическая значимость работы состоит в дальнейшем углублении методики анализа канонических и неканонических текстов в аспекте смыслопорождающей деятельности. Содержащийся в работе фактический материал может послужить основой для составления комментариев к произведениям изученных авторов, для создания словарей концептов. Ее результаты могут также использоваться в вузовских курсах «Филологический анализ текста», «Лингвистика текста», «Теория литературы», «История русской литературы», «История русского литературного языка», в спецкурсах по различным аспектам языковой картины мира, теории текста, лингвокультурологии. Основные выводы работы могут быть учтены при разработке новых обучающих методик как в школьной, так и вузовской практике.

Апробация работы. Результаты исследования были изложены в докладах на международных, всероссийских и межвузовских конференциях: «Текст и методика его анализа» (Харьков, 1994); «Человек: язык, культура, познание» (Кривой Рог, 1995, 1997); «Семантика и прагматика слова и текста» (Северодвинск, 1995, 2005); «Проблемы гуманитарного знания: на рубеже веков» (Архангельск, 1999); «Проблемы литературы XX века: в поисках истины» (Архангельск, 2003); «Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира» (Архангельск, 2002, 2005); «Ломоносовские чтения» (Архангельск, Северодвинск 1997, 1998, 2000, 2003, 2005, 2007); «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 2006); «Иностранные языки и литературы в системе регионального высшего образования и науки» (Пермь, 2006); «Масловские чтения» (Мурманск, 2005, 2006); «Лексико-грамматические инновации в современных восточнославянских языках» (Днепропетровск, 2007); «Национальный семиозис (дискурсы идентичности)» (Сыктывкар, 2007). Апробация изложенной в работе концепции сверткста нашла отражение в двух подготовленных под научным руководством соискателя и защищенных кандидатских диссертациях: *Гавришук Е.А.* «Петербургский текст З.Н. Гиппиус» (Северодвинск, 2004); *Лепеховой О.С.* «Этическое пространство сверткста В.М. Гаршина» (Северодвинск, 2006).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух частей (первая из них включает 4, вторая – 5 глав), заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются цель, задачи, определяется объект, предмет, материал и методы исследования, дается характеристика работы с точки зрения ее новизны, теоретической и практической значимости, излагаются гипотезы и положения, выносимые на защиту.

В **первой части** работы «Текст, гипертекст, сверткст: теоретические

основы и аспекты изучения » рассматриваются наиболее значимые для концепции сверхтекста теоретико-методологические проблемы, связанные с текстом как объектом филологического анализа, устанавливаются концептуальные соотношения между понятиями текста, гипертекста и сверхтекста, обобщаются научные достижения в изучении данных феноменов.

В первой главе «Текст в аспекте гуманитарного знания» раскрывается ряд исходных позиций в понимании некоторых онтологических, гносеологических, системно-функциональных, прагматических, когнитивных и собственно лингвистических (текстуальных) свойств текста, без учета которых немислимо изучение сверхтекста. Отмечается, что текст рассматривается в соответствии с традициями герменевтики, то есть как такое речевое образование, которое обладает фиксированной письменной формой, как воплощенный в вербальную форму замысел автора, сотворенный им самодостаточный возможный мир. В каждом тексте наличествует некоторая инвариантная структура (модель, прототип, эталон), в силу чего текст обладает относительной идентичностью для разных воспринимающих сознаний.

Одним из главных условий моделирования сверхтекста является *презумпция его целостности*, которая не в последнюю очередь детерминируется предварительным знанием его потенциальных составляющих. Данная предпосылка находит опору в кантовском понятии трансцендентальной схемы, в работах, посвященных проблемам восприятия, гештальт-психологии, проблеме целостности языковых единиц, элементов, в теории фреймов М. Минского. Соответственно, с уразумением целостности текста (сверхтекста) и этапы его осмысления будут иными – это будет постоянное погружение во вновь и вновь открывающиеся смысловые «тоннели» в цельно-едином семантическом пространстве, это будет своеобразное исследование и картографирование мест пересечения смысловых потоков, поиски смысловых швов и стыков, их «химический» анализ, фиксирование как ускользающих смыслов, так и их напластований, возникающих по причине воздействия среды, это будет трансляция смыслов из одного участка текста в иной. Только заведомо целостный текст (произведение) может предстать «садом расходящихся тропок» (Х.Л. Борхес).

Здесь же рассматривается вопрос о том, как решается в научной и философской литературе проблема смысла текста и его целостности (Э.Г. Аветян, Н.С. Болотнова, А.А. Брудный, П.Я. Гальперин, О.Л. Каменская, В.Б. Касевич, Г.В. Колшанский, А.Р. Лурия, М.К. Мамардашвили, А.И. Новиков и др.). Подчеркивается, что хотя смысл текста и формируется в субъективной интерпретационной деятельности, он тем не менее развернут в объективность и имеет тенденцию становиться внеположенным относительно личности, его сформировавшей. Смыслу свойственна ценностная направленность, в реальном общении благодаря смыслу происходит преодоление «разрыва» между языковым и ментальным содержанием (А.И. Новиков). В понимании В.Н. Топорова, М.Ю. Лотмана, В.С. Библера смысл текста вовсе не сводится только к воплощенному авторскому замыслу, текст является генератором новых смыслов, является равноправным участником общения. В то же время главным условием существования текста является существование сознания, а понимания – общее знание как «нечто сущее между человеческими головами» (М.К. Мамардашвили),

при этом формой презентации и актуального удержания знания в индивидуальном сознании является значение слова как актуализатор концепта. Смыслообразование понимается как актуализационный процесс выявления внутренней стороны текста, как интенционально обусловленное мыследействие, рефлексия, направленная на обнаружение фрагментов цельностей, усмотрения их общности и установления связи между ними (Н.И. Колодина и др.). Смысл текста рождается в результате взаимодействия, взаимоотношений языкового (речевого) и концептуального содержания, а фактором данного взаимодействия является точка зрения, смысловая позиция субъекта текстовой деятельности, т.е. интенциональное, объективно-духовное начало, которое центрирует, определяет направление процесса смыслопорождения, намечая его ценностные координаты и преактуализируя смысловой потенциал текстуальных единиц.

Понятие целостности текста целесообразно рассматривать в сопряжении с внешними субъектами текстовой деятельности, и прежде всего, следуя традиции, с осознаваемой подчиненностью всех составляющих текста авторскому замыслу, который по отношению к тексту представляет собой принцип его системности, пронизывающий в нем все способы манифестации информации. Этот принцип сохраняет свою действенность и в случае с различными авторскими свертками. Данный тезис важно подчеркнуть хотя бы ввиду экспансии постмодернистского отрицания авторской центрирующей роли в конституировании системных характеристик текста. Осознание целостности текста и связности имеющихся в нем разных кодов – предметного, сюжетно-композиционного, эмотивного, образно-культурологического, языкового, эстетического – это и есть тот путь, который ведет к постижению смысловой структуры текста (Н.С. Болотнова).

Вопросы о соотношении текста с когнитивной моделью, которую он объективирует и репрезентирует, о соотношении текста и дискурса рассматриваются в диссертации в аспекте проблемы взаимодействия системы и среды, которая была исследована в работах А.В. Бондарко, В.Г. Гака, В.Г. Касевича, Г.В. Колшанского, Ю.М. Лотмана и др. Важнейшими факторами целостности текста являются его референцированность к некоему «возможному миру» (мирам), соотносимость с целостной когнитивной (концептуальной) моделью, объективированной в тексте (ван Дейк, О.Л. Каменская и др.). Для теории свертки данное положение представляет интерес уже в силу того, что в согласии с ним смысловое пространство свертки, в которое так или иначе втягивается тот или иной текст, можно помыслить в статусе его среды существования (своего рода свертуровня) и, следовательно, контура-основы для его референций. Тезис о том, что свертка выступает в качестве *среды* существования (контекста) для определенных текстов созвучен развиваемым в работах Лотмана положениям об открытости текста широкому культурному контексту и читательской аудитории, о способности текста «приобретать память», накапливать информацию, трансформировать ее и вырабатывать новую. Своеобразным следствием осмысления и переосмысления представлений о целостности текста, об авторской позиции, выражаемой в нем, о индивидуальном проявлении авторского мировидения (стиля) является выделение в информационном пространстве текста трех составляющих – когнитивной, модальной и текстуальной (М. Халлидей, А.Г. Баранов). Представляется, что пути

решения проблемы целостности текста (сверхтекста), их завершенности и открытости, континуальности, лакунарности, семантической неаддитивности находятся в сфере коммуникативно-когнитивных исследований, в которых доказывалось, что объемность (многомерность) и континуальность являются прежде всего продуктом взаимодействия коммуникативного и когнитивного компонентов в речемыслительной деятельности и лишь затем свойствами текста как явления объективной реальности (В.Я. Шабес). И в тексте, и в сверхтексте каждая их составляющая способна проецировать свое содержание в другие его части или части иных текстов, однако эти процессы смыслового взаимодействия *центрируются* и корректируются интенциональными установками внешних субъектов текстовой деятельности.

Дискурс – это та социокультурная реальность, с которой координирует текст как таковой и как целостное лингвоконцептуальное образование, та ее сторона, которая актуализируется (по крайней мере, потенциально) в сознании человека, когда в поле его восприятия обнаруживается текст, тот или иной его содержательный аспект, связанный с нею. Текст приобретает свою эстетическую и общественную значимость только в сопряжении с тем или иным типом дискурса, с той или иной дискурсивной практикой, с системой ценностей, знание о которых аккумулируется в концептах определенного дискурса, его типов и жанров (В.В. Карасик), что позволяет ориентироваться в потоке литературной продукции, прибегать к разным дискурсивным практикам, к «чтению для удовольствия» или профилированному прочтению текстов того или иного писателя. Текст является частью дискурса – социокультурной, прагмаэстетической реальности (события), и, будучи частью этой реальности, он в свернутом виде содержит в себе информацию о глобальных категориях дискурса – субъектах, коммуникативной ситуации, организации и способах общения.

В диссертации в качестве лингвистического основания, позволяющего выделять текстовые (субтекстовые) парадигмы – компоненты сверхтекста, рассматривается понятие цельности, на котором базируется концепция текстопримитивов Л.В. Сахарного, понятие словесного (семантического) ряда (В.В. Виноградов, А.И. Горшков), понятие «готового предмета» (А.К. Жолковский), понятие слова как «свернутого» текста, «текста-мифа» (В.Н. Топоров, Т.М. Николаева и др.). Цельность, понимаемая как парадигматический феномен, позволяет идентифицировать в ряде текстов **редуплицируемые семантические компоненты**, восходящие к некоему инварианту, связанному с определенной целевой и прагмаэстетической установкой. Данная установка определяет характер модализации и текстуализации и, соотносясь с содержанием определенных метаконцептов, способствует направленному формированию, обнаружению и транспонированию смыслов в границах не отдельного текста, а текстов, составляющих сверхтекст. При этом варианты реализации могут быть представлены по-разному в той или иной составляющей сверхтекста, то более развернуто, то более свернуто, с меньшей или большей степенью детализации, с той или иной оценочной маркированностью, но, главное то, что различные словесные репрезентации инварианта сохраняют его модально-оценочную отмеченность. Это обуславливает их прагматическую неоднозначность, возникновение эффекта диалогичности, полифоничности. Предложенное Л.В. Сахарным и А.С. Штерн понимание цельности согласуется с положением об

относительном характере автономности текста, о проницаемости его границ, что вовсе не элиминирует целостности тех или иных текстов, вовлеченных в сверткостовую конструкцию, но соподчиняет их ее единой целевой установке. Слово, рассматриваемое с точки зрения структурированной цельности, предстает уже не только элементом словаря языка, строительной единицей текста, но и единицей компрессивной, которая заключает в себе развернутый текст, репрезентирует его цельность. Таким образом, цельность как конститутивный компонент сверткоста, обеспечивающий его семантическую итеративность, проявляется в форме различных словесно-семантических рядов.

Во второй главе «Текст в культурно-языковом пространстве» обосновываются лингвокультурный и лингвокогнитивный подходы к изучению сверткоста, излагается понимание таких ключевых для концепции сверткоста понятий, как культурное пространство, текстовая концептосфера, концептосфера текста, концепт, художественный концепт, метаконцепт, метатекст и др. В качестве теоретической основы избираются положения и научные понятия, разрабатываемые в исследованиях С.А. Аскольдова, А. Вежбицкой, В.В. Карасика, В.Б. Касевича, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Л.Н. Мурзина, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, Р.М. Фрумкиной, В.А. Шаймиева, А. Щюца и др.

Культура, понимаемая в духе К. Герца, запечатлевает себя в текстах. Совокупность текстов конституирует культурно-языковое пространство. Тексты обладают внутренней потенцией входить в ту или иную парадигму, возможностью актуализировать свои смыслы в интенционально обусловленных контекстах. И научное, и бытовое сознание признает реальность существования в культурном пространстве текстовых объединений, которая может быть эксплицирована и объективирована в метаописаниях (метатекстах). Что касается процессов, которые детерминируют возникновение сверткостов, их бытие в культуре, то они также могут быть вскрыты только при помощи моделирования и интерпретации.

В текстах, которые обращаются в обществе, сосредоточен, «скрыт» язык как теоретический конструкт. Средой существования этой системы языка являются общественные структуры. Но язык, который ответствен за порождение и восприятие текстов инкорпорирован в голове человека, средой для этого языка выступают психоневрологические механизмы, механизмы когниции. Следовательно, как справедливо считает В.Б. Касевич (1988; 1996), общество является «средой не для языка как такового, а для его носителя, и взаимодействие языка с этой средой будет опосредованным». Текст, совокупности текстов заключают в себе «образ мира, в слове явленный» (Б. Пастернак); тем самым тексты выступают источником культурологической информации и являются естественной средой формирования, существования, проявления, взаимодействия, модификации содержания концептов. Под концептуальным пространством текста понимается актуализированный в процессе осмысления текстовой (языковой) семантики фрагмент концептосферы языка (культуры). Степень проникновения в глубинную структуру текста определяется системностью учета способов актуализации содержания концептов, активизации их компонентов, прочтения различных семантических кодов и интроспекции преднайденных смыслов в текст. Исследователи отмечают, что «в формировании концепта важен элемент самоосознания и метаописательности» (Л.Н. Рягузова). Поэтому, признавая, что в содержании концепта находят отражение сущностные, значимые признаки

явления («идея предмета»), в них можно увидеть не только образные представления, но и зафиксированные моменты специального знания, связанного с аспектом «профилированного» (Р. Барт) осмысления текстов, обнаружения в тексте или классе воспринимаемых и/или ассоциируемых текстов типологических черт в сфере авторства, кода (особенностей поэтических систем, идиостилей), контекста, адресованности. Метаязыковые (метатекстовые) знания проявляются в метатекстовых толкованиях слова, в метавысказываниях, метатекстах.

Своего рода специализация (направленность) определенных лингвокультурных и ряда художественных концептов на интерпретацию, оценку произведений писателя, текста его жизни, тех или иных текстуальных единиц, «цельностей» позволяет рассматривать их в статусе метаконцептов. (Данное понятие используется нами в качестве рабочего). **Метаконцепт** мыслится как лингвоментальная структура операционного знания, содержащая ценностный и регулятивный компоненты, и в силу этого способная задавать релевантные смысловые координаты, когнитивные схемы, соответствующий эмоциональный модус для осмысления и оценочной интерпретации текстовой информации с позиции метауровня, теоретических знаний. Примерами метаконцептов могут служить литературоведческие категории «трагическое», «комическое», которые актуализируют «память жанра», программируют способ понятийного осмысления текстовой информации, ориентируют на поиск объективированных в тексте концептуальных признаков, предвосхищают эмоциогенные процессы. Надо полагать, что метаконцепты, соотносящиеся с текстами словесного искусства, в большей мере принадлежат сфере специальных знаний (в ней они эволюционируют, а не инволюционируют (В.В. Карасик)) и используются в культурной практике профилированного чтения. «Профилированный» вид чтения в аспекте наличной цели и связанной с ней системой релевантностей (А. Шюц) является главной посылкой для эксплицирования свойств феномена сверттекста, его метаописания. В сверттекстах текстуальные единицы, восходящие к одним и тем же культурным концептам, литературным универсалиям, стереотипам, с одной стороны, реализуют интертекстуальные связи, определяя его место в текстовой концептосфере и устанавливая сеть отношений, точки пересечения, взаимодействия с иными текстами, с другой – объединяясь, составляя своего рода постоянный репертуар в рамках текстового ансамбля, они реализуют сверттекстовые связи и метатекстовые функции.

Глава третья «*Сверттекст: от идеи к научному понятию*» посвящена проблеме определения истоков концепций сверттекста, истории формирования его методологической и теоретической основы.

Взгляд на некоторый класс самостоятельных текстов как на целостно-единое образование – сверттекст, более того, понимание мира как целостно-единого огромного Текста культуры, в котором все когда-то уже было сказано, обнаруживается во многих филологических работах XX в., как присутствует в них с разной степенью отчетливости выраженное осознание того, что разные аспекты бытия языка должны рассматриваться в непосредственной связи с человеческой личностью. В качестве теоретических и методологических предпосылок, основ современных концепций сверттекста в работе рассматриваются 1) учение А.А. Потебни и его последователей о внутренней форме слова и произведения, его идея о единовременном сосуществовании в произведении единиц конечных,

определенных и бесконечных, уводящих в толщу смыслового пространства; взгляд на произведение как результат «бессознательного творчества, средство развития мысли и самосознания»; на структуру текста как материю, в которой проявляется «художественный “капитал”, данный в самом языке» (Д.Н. Овсяннико-Куликовский); 2) концепция бродячих сюжетов, образов, стилистических (пластических, поэтических) формул, «бессознательно сложившейся условности» (А.Н. Веселовский); 3) положения о наличных в культурно-языковом пространстве устойчивых фондов мотивов («функций»), персонажей (В.Я. Пропп); базовых элементов сюжета (В.В. Виноградов); «тематических гнезд» в поэтических произведениях (Л.В. Пумпянский).

На развитие идей о сверткесте, формирование его методологической и теоретической базы большое влияние оказали модель «эйнштейновского мира с его множественностью систем отсчета» (М.М. Бахтин); панэстетизм символизма, выразившийся в восприятии искусства как воплощения гармонии мира, осуществления в земных формах «вселенской связности и общности» (Ф. Сологуб), в признании художественной формы цикла как наиболее соответствующей для воплощения идеи многогранной целостности личности и мира; учение о пародии Ю.Н. Тынянова, А.А. Морозова и др.; концепции полифонического романа, диалогичности слова и текста М.М. Бахтина и теория общения текстов и культур В.С. Библиера и др.; концепция доминанты как фокусирующего, центрирующего компонента текста (Р. Якобсон, Ю.Н. Тынянов, Ян Мукаржовский); учение об образе автора М.М. Бахтина, В.В. Виноградова; «стадиальная» теория истории литературы Г.А. Гуковского; учение о семиосфере культуры и интексте Ю.М. Лотмана; оформление теории цикла (Л.Е. Ляпина, М.Н. Дарвин, И.В. Фоменко и др.); теория текста как семантического пространства (В.Н. Топоров, Т.М. Николаева и др.); концепции языкового существования Б.М. Гаспарова; теории интертекстуальности (Р. Барт, Ю. Кристева, М. Фуко, И.П. Смирнов, Н.А. Кузьмина, Н.А. Фатеева и др.).

Для теории сверткеста сохраняют свою плодотворность выдвинутые З.Г. Минц (1974; 2004) положения об особенностях символистского текста и сверткестовых единств, о том, что любая совокупность текстов может быть воспринята как целостный текст; любая часть художественного текста может восприниматься как изоморфная всему тексту, что должно фокусировать исследовательскую мысль на поэтике заглавий, цитат, системе замещений; что текст, komponующий иной, более сложный текст, получает свой подлинный смысл только в рамках последнего; что биография писателя, жизненные факты, попадающие в поле зрения последнего, обретают черты художественного текста, который входит на правах составляющей в Текст; что чужой текст может выполнять функцию кодирования «текстов жизни», функцию текста интерпретирующего.

Едва ли ни первым, кто ввел в активный научный оборот понятие «сверткест», представив его научной мысли как наличное бытие, был В.Н. Топоров (1973). Петербургский текст (сверткест) в работах Топорова представляет собой некое целостное множество тематически сродственных текстов, в которых преломилась единая, но внутренне антитетичная телеологическая установка на художественное постижение идеологически противоречивого образа Петербурга. Как раз наличие **«МОНОЛИТНОЙ»**

максимальной смысловой установки (интенции, идеи, «высшего смысла») справедливо расценивается ученым в качестве едва ли ни ведущего фактора создания сверхтекста. Именно эта идея-установка обуславливает «единый принцип отбора «субстратных» элементов» (природных и культурных образов), предопределяет единство, внутреннюю суверенность Петербургского текста как сверхтекста, что находит выражение в определенном наборе компонентов и их связей, в воспроизводимом составе предикатов, предсказуемом лексико-понятийном словаре, в стабильных лейтмотивах и трагедийном звучании, в создаваемом таким образом некоем эстетическом единстве плана выражения. Понимание образа Петербурга как суммативно-интегративного позволяет рассматривать его и в статусе одноименного концепта. Исходя из сказанного, логично определить Петербургский текст, модель которого описана Топоровым, как **коллективно-авторский тематический сверхтекст локального типа**. В понимании ученого Петербургский текст характеризуется, наличием интенциональной, динамической, субъектно-объектной, обладающей памятью структурой. Сверхтекст – это целостное и внутренне цельное образование, но не замкнутое, а открытое. В то же время субъектно-объектная организация сверхтекста находится в определенной зависимости от позиции интерпретатора и, следовательно, может иметь большое количество интерпретаций. От исследователя соответственно требуется определить роль каждого из данных начал – субъектного и объектного в создании анализируемого сверхтекста. Сверхтекст, как следует из концепции Топорова, это динамическая, самоорганизующаяся система, единое пространство (континуум) смыслообразования. В сверхтексте проявляются системные свойства каждого из входящих в него текстов, причем в той или иной его составляющей – отдельном тексте, субтексте, подтексте находят в той или иной мере отражение свойства целого – сверхтекста. Акцентирование интенциональных характеристик сверхтекста вкупе с его соотнесенностью с культурно значимым топосом (Петербург) обуславливает нерелевантность для сверхтекста таких признаков, как принадлежность к тому или иному жанру, временному срезу литературного процесса, автору. Исходя из этого, Петербургский текст мыслится Топоровым как *кросс-жанровое, кросс-темпоральное, кросс-персональное сверхсемантическое образование*

Надо думать, что есть веские основания квалифицировать воссозданный Топоровым Петербургский сверхтекст как **исследовательский** сверхтекст. И в этом аспекте большое значение имеют факторы мировоззренческих допущений, аксиологической ориентации ученого, которые во многом определяют его индивидуальную установку на предмет описания и способы интерпретации. Концепция Топорова обладает неоспоримой научной значимостью и потому, что она, отрицая *абсолютизацию* диахронического подхода к изучению литературных текстов, утверждает в качестве равноправного с ним синхронический подход, вневременной взгляд на кросс-жанровое, кросс-временное, кросс-персональное пространство интегрированных в сверхтексте произведений. «Петербургский текст как определенный литературный конструкт внутри себя времени не различает» (В.Н. Топоров). В последнее десятилетие появился ряд исследований ученых разных отраслей знания, посвященных «локальному» сверхтексту – городскому, провинциальному (Т.М. Николаева, В.В. Абашев, Н.Е. Меднис, Н.В.

Осипова и др.), в которых развиваются идеи Топорова, что свидетельствует о научной продуктивности его семиотической сверхтекстовой модели.

В главе четвертой «Гипертекст как структура открытого знания» раскрывается сущность понятия гипертекста с точки зрения теории информационных технологий, социологии (А.В. Бурьяк, Дж. Ландоу, Т. Нельсон, В.Г. Овчинников, В.В. Негуторов, Д.М. Субботин и др.), постмодернистской парадигмы знаний и генетической критики (М. Визель, Ж. Деррида, И.П. Ильин, Ж.-Л. Лебрав, Н.Б. Маньковская, М. Эпштейн и др.), а также поэтики и лингвистики (Р. Барт, Н.Н. Белозерова, О.В. Дедова, Ж. Женетт, Ю.Н. Караулов, Н.А. Фатеева и др.), обосновывается значимость базовых положений различных концепций гипертекста для теории сверхтекста. Эта значимость определяется уже в силу того, что обе теории – гипертекста и сверхтекста в своей сути антропоцентричны.

В сфере информационных технологий под гипертекстом понимается информационный массив с заданными и автоматически поддерживаемыми ассоциативными и смысловыми связями между выделенными элементами, понятиями, терминами или разделами (В.И. Першиков, В.М. Савинков). В качестве основных свойств гипертекста называются дисперсность (сегментированный способ организации информации), нелинейность, мультимедийность, интерактивность, децентрированность и др. По сути, ни одно из данных свойств не является сугубо присущим только гипертексту. Так, например, в дисперсности, которая понимается как связь (сеть) отдельных цельных фрагментов (гнезд, блоков) информации, позволяющая входить в гипертекстовую систему с любого узла, можно усмотреть своего рода аналог парадигмы цельностей (Л.В. Сахарный), системы словесных рядов (А.И. Горшков) и пр. Соответственно нелинейность – это свойство, обеспечивающее, с одной стороны, пользователя гипертекста, с другой – реципиента сверхтекста выбирать по своему усмотрению тот или иной путь восприятия, осмысления текста. В обусловленной связи с данным признаком гипертекста и сверхтекста находятся иные свойства их структур – открытость, многомерность, диссипативность. Важнейшим прагматическим свойством гипертекста (как и сверхтекста) является интерактивность, которая предполагает деятельную роль читателя не только в его восприятии, но и в его создании. Поэтому вполне резонно введение критерия «носитель информации» с целью отграничить гипертекст от сходных или смежных с ним явлений. По мнению многих специалистов в области компьютерных технологий, гипертекстом следует называть только тот текст, который обладает, с одной стороны, электронным носителем, с другой – разветвленной и упорядоченной системой ссылок, позволяющих переходить от отдельного текста или его фрагмента к другим, связанным с ним по содержанию. Думается, правомерно противопоставлять электронный гипертекст и сверхтекст по признакам «суммативность» (экстенсивность) и «интегративность», и тот и другой феномен являются текстами открытого типа, однако, в отличие от сверхтекста, гипертекст изначально планируется как текст, в котором связи устанавливаются не между композиционными единицами, а между отдельными законченными текстами, число которых может возрастать, эти связи преимущественно внешние, а не внутренние. Нелинейность и открытость – это внутренние свойства сверхтекста, их эксплицированность отнюдь не обязательна,

они проявляются по мере постижения максимальной смысловой установки сверхтекста, выявления центрирующего принципа, редуцируемых в рамках интегративного образования цельностей и осмысления их смысловой роли по мере все большего и большего погружения в его глубинные структуры. Целостность гипертекста обуславливается его тематическим единством, наличием единой коммуникативной функции, но не собственно гипертекстуальными связями, которые, лишь эксплицируют схему информационной структуры гипертекста, что позволяет пользователю осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами.

Для теории сверхтекста и в целом для текстологии актуально различие гипертекстуальных и интертекстуальных связей. Если гипертекстуальные связи – это связи зримые, обозначенные, приведенные в определенную систему, то для интертекстуальных связей эксплицированность является факультативным признаком. Более того, техника, приемы гипертекстуальности могут быть выявлены в любом тексте, не обязательно только постмодернистском. Понятие гипертекста, вобравшее в себя значения, связанные как с его электронной формой, так и с явлением межтекстовых и внутритекстовых связей, в настоящее время все чаще осмысливается как форма рефлексии над литературой (и искусства вообще) современности, что должно свидетельствовать о сохраняющейся актуальности традиций постмодернизма, которые неотделимы и во многом предопределены в своей реализации спецификой компьютерного дискурса, находящегося в процессе поиска собственной стилистики, собственной художественной выразительности (О.В. Дедова и др.). Гипертекст является ключевым понятием в постмодернистской научно-философской парадигме, при этом его понимание здесь сродни тому, которое укоренилось в информатике. Постмодернистская эпистема представляет собой разрозненные фрагменты Текста культуры, которые соединяются посредством монтажа или коллажа, поэтому в гипертексте видят средство, форму, которая позволяет придать культуре целостность, зафиксировать при помощи гибких связей-переходов ее ускользающие значения, «присутствие отсутствия», следуя принципу линейности.

Во второй части «Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен» характеризуются лингвистические факторы и принципы, определяющие целостность сверхтекста и обуславливающие процессы смыслопорождения в его внутреннем пространстве, описываются критерии, которые могут быть использованы для создания типологии сверхтекста, а также очерчивается одна из возможных ее схем; рассматривается вопрос о предельно-минимальной форме сверхтекста, описываются модели таких его разновидностей, как коллективно-авторская, индивидуально-авторская, индивидуально-авторская локальная.

В главе первой «Проблема целостности и типологии сверхтекста» обосновываются положения о принципах моделирования сверхтекста, предлагаются критерии для классификации сверхтекстов.

В методологии науки понятие *принципа* как «части, содержащей объяснение других частей» (Э.Б. Кондильяк) является краеугольным. Роль принципа состоит в организации материала, в подведении под него логико-смысловой основы, мотивировании его целостности, в создании естественных связей между фрагментами содержания. Предварительным условием моделирования сверхтекста является *профилированное* (в бартовском понимании) *прочтение* ряда

текстов, что некоторым образом очерчивает контуры потенциального сверхтекста, открывает горизонт его целостности, тем самым определяя содержание **принципа усматриваемой целостности сверхтекста**. Другим важным условием, непосредственно связанным с первым, является «вненаходимая» позиция, точка зрения исследователя, интерпретатора сверхтекста, иначе – **принцип «вненаходимости»**, который позволяет свести «к единому формально-эстетическому ценностному контексту» различные контексты (М.М.Бахтин). Позиция «вненаходимости» позволяет устанавливать корреляции между моделируемыми авторской и читательской компетенцией, привлекая для решения этой задачи релевантные контексты (культурологический, исторический, биографический, поэтологический). Такой подход согласуется с постулируемым в синергетике положением о том, что рассматриваемая система подвергается «наложению» на нее внешних связей, своего рода «подведению» к ней вполне определенного количества энергии. «При изменении этого управляющего параметра может возникнуть неустойчивость, и система переходит в новое состояние» (Г. Хакен). «Вненаходимая» позиция субъекта текстовой деятельности вкупе с его компетенцией, его интенциональными установками обеспечивает проекцию ассоциативно-смежных и/или подобных текстов, субтекстов, фрагментов «с оси селекции на ось комбинации» (Р. Якобсон) и предугадывает модус их осмысления и интерпретации в рамках *контекста* целостного образования.

«Вненаходимость» как фактор моделирования сверхтекста определяет значимость для его складывания и функционирования таких внешних типологических признаков интегрируемых текстов, как их принадлежность тому или иному автору (авторам), их предназначенность конкретному адресату, отнесенность к тому или иному жанру, соотнесенность с определенным референтом (событием, ситуацией, именем, локусом). Данные признаки могут стать содержательно-формальными критериями для определения сверхтекстовой разновидности: авторской, тематической (локальной, именной) и т.д. Презумпция целостности сверхтекста устраняет необходимость учета линейности текста, порядка их следования, хронологического параметра, иными словами, определяет содержание принципа **нелинейного осмысления сверхтекста**. Это значит, что в нелинейное, многомерное, семантически диссипативное, открытое пространство сверхтекста можно войти через любой его отмеченный цельностью архитектурный компонент, через любой составляющий его текст, как и любую цельную составляющую последнего, ибо целое сверхтекста отражается в каждой его части, а каждая его часть, обладая свойством свернутости или фрагментарности относительно целого, репрезентирует с той или иной степенью отчетливости свойства целого. Считается, что акцентирование определенного признака у компонента системы или привнесение нового элемента в его структуру обуславливает появление их и у других компонентов системы.

Если принципы «вненаходимости» интерпретатора и усматриваемой целостности сверхтекста более связаны с внешними факторами обнаружения в культурно-языковом пространстве сверхтекстов и их бытованием, то принципами, которые обуславливают специфику «внутренней жизни» сверхтекста, являются принципы **контекстуальности, нелинейности, центрации актуализируемых смыслов**. Принцип контекстуальности опирается на феноменологическое понимание сущности контекста (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и др.) как способа

текстуальной рефлексии, которая позволяет узнавать некое текстуальное бытие-при, некую интенциональность. Контекст всегда направлен на что-то, способствуя проявлению интерпретируемого элемента. «Контекстуальность как стратегия объяснения и понимания есть форма рефлексии текста и ее сущностное устройство» (Т.Г. Галушко). Контекст проясняет контуры той самой ситуации общения «культур-личностей» через «произведение», – общения, которое «не непосредственно, но – акт воли, разума, углубления в себя» (В.С. Библер). Природа сверткста диссипативна, его структура открыта, многомерна и подвижна, он не имеет четко очерченных неподвижных смысловых границ, что актуализирует значимость для его моделирования **принципа релевантности/нерелевантности тех или иных контекстов** (А. Шюц), который обеспечивает потенциальную множественность интерпретаций, при этом отнюдь не разрушая целостности текстов-составляющих, напротив, позволяя конституировать новую, пусть и не жесткую целостность, которая проявляется на метауровне – в одном из модусов бытия сверткста. При моделировании, интерпретации сверткста субъект текстовой деятельности волен исходить из тех или иных ценностно-смысловых установок (порождающего начала системности, параметров порядка), которые, однако, не должны противоречить авторской концепции. Эти установки обеспечивают проявление контура цельного релевантного фрагмента смысловой структуры сверткста (или их фрагментов), выдвижение того или иного его компонента (текста, фрагмента, ключевого слова-образа) на роль доминирующего, т.е. центрирующего, направляющего актуализационные (смыслопорождающие) процессы в единое русло. Заданное центрирующим смысловым компонентом направление для ассоциирования, активизации соответствующих когнитивно-эмотивных и ценностных структур скажется во внутреннем пространстве сверткста в содержании релевантных словесных (семантических) рядов, их связях с иными «цельностями», создаст представление о конфигурации смысловых связей относительно «оси» – максимальной смысловой установки. Таким образом, для моделирования сверткста оказывается значимым **принцип смысловой центрации**, который предполагает выдвижение в качестве приоритетных тех или иных смысловых установок, цельностей и рассмотрение семантических структур сопрягаемых в единое целое текстов в свете их смыслообразов (Н.Л. Мышкина), что и позволяет сверткстовой «системе находить свою структуру» (Г. Хакен). Обозначенные принципы находятся в согласии с выделенными В.Н. Топоровым характеристиками сверткста.

Внутренний аспект цельности сверткстового образования связан с теми механизмами, которые обеспечивают его «внутреннюю жизнь» (Н.Л. Мышкина), детерминируют смыслопорождающие процессы. Под «**внутренней жизнью**» сверткста в диссертации понимаются процессы семантического взаимодействия его разнородных контактных или дистантных текстуальных компонентов, процессы смыслового обмена, транспонирования, коннотативно-смысловой иррадиации, интроекции объективных смыслов и смысловых элементов из актуализированных и преактуализированных сфер концептов. Под актуализацией понимается предъявление смысла контролю сознания, соответственно, преактуализация – это активирование ассоциативных связей в смысловом поле актуализированных компонентов определенных концептов, обуславливающее

смысловые импликации, создание коннотативно-смыслового фона.

Для теории сверхтекста принципиальное значение имеет утверждение, экспериментально доказанное в когнитивных исследованиях, что в процессе восприятия текста активируется большая часть парадигмы значений встретившегося полисеманта (а то и вся) (У. Кинч, Э. Мросс, В.Б. Касевич). При этом, можно полагать, что неактуальные значения и смыслы создают своего рода ассоциативно-коннотативный фон, вызывая шлейф «мерцающих» смыслов, что для художественного текста имеет первостепенную значимость. В сверхтексте многозначность (смысловая полифония) таких единиц под воздействием единиц, направленно ассоциируемых из сопредельных текстов, будет экстенсивироваться, а сами процессы, приводящие к сгущению актуального семантического и смыслового содержания, охватываемого той или иной текстуальной единицей (образом), будут проходить более интенсивно.

При описании внутреннего пространства сверхтекста резонно различать процессы смыслопорождения, которые осуществляются на основе, с одной стороны, центростремительных, межтекстовых, связей (в рамках сверхтекста) и, с другой – центробежных, интертекстуальных, связей, сориентированных в сферу смыслов тех текстов и контекстов, которые находятся вне сверхтекста, но в пределах актуальной части текстовой концептосферы, и, будучи актуализированными, интроецируются в текст. Благодаря первым происходит стяжение текстов в едино-цельную конструкцию, благодаря вторым очерчиваются контуры «вписанности» сверхтекста в релевантном для него пространстве текстовой концептосферы. Слова-образы, редуцируясь в рамках сверхтекста, актуально сохраняют память о своих контекстных значениях и, следовательно, способны транспонировать цельность, тем самым устанавливая между отдельными текстами воспринимаемые читателем ассоциативно-смысловые связи и создавая условия для реализации смысловых инференций. Поскольку сверхтекст повторяет свойства своих составляющих – текстов, постольку отдельному тексту, рассматриваемому в горизонте обнаруживаемых сродственных ему других текстов, в горизонте явленной, осознанной целостности сверхтекста, может быть приписан статус потенциально-«свернутого» сверхтекста. Обозначенный подход к целостности сверхтекста предполагает, что интегрируемые им тексты предстают носителями его признаков, свойств, однако центрирующее основание может или привноситься креатором извне (например, им могут стать те или иные факты биографии автора, метатема, метасюжет и пр.) или/и усматриваться внутри сверхтекста, в той или иной его составляющей, а далее быть прослеженным во всех других составляющих с установлением релевантной референции к актуализированным фрагментам воссоздаваемой реальности. В работе показано, что эксплицитно задаваемыми условиями (средствами) для ценностно-смысловой центрации сверхтекста выступают прагматические актуализаторы, которые часто сосредотачиваются в эпитекстовых формах, тем или иным способом акцентируются (например, посредством вынесения за рамки внутренней структуры текста).

Выдвинутые положения иллюстрируются в главе анализом фрагментов поэтического сверхтекста Г.В. Адамовича, З.Н. Гиппиус, Н.А. Добролюбова. В частности, доказывается тезис о том, что в поэтических текстах Адамовича, осмысляемых в рамках едино-целостного сверхтекста, один текст или тот или

иной его фрагмент направленно проецируется в другой, а смысловая структура каждого из таких сквозных образов становится внутренне подвижной, образ концептуализируется, обретает или активизирует «память», становится способным привносить в текст уже объективированные в сверхтексте смыслы, в том числе и те, которые являются результатом интертекстуальных корреляций с классическими текстами русских поэтов.

Поскольку теория сверхтекста находится в стадии разработки и в науке отсутствует единое понимание его сущности, постольку вопрос о типологии сверхтекстовых образований разве что только ставится (Н.А. Купина, Г.В. Битенская, Л.М. Майданова, В.И. Тюпа). В работе обосновывается положение о том, что типология сверхтекста должна учитывать те содержательные критерии, которые обнаруживаются в структуре модели речевой (литературной) коммуникации, прототипом которой является классическая модель речевого общения Р. Якобсона (1965; 1975). Будучи модифицированной в аспекте концепций коммуникативного сотрудничества, общения через текст и спроецированной на текстовую концептосферу, эта модель может служить средством объяснения результатов эмпирических наблюдений над организацией текстового пространства культуры, над особенностями функционирования его конститутивных единиц, текстов и сверхтекстов, их взаимодействия уже в силу того, что она отображает фундаментальную зависимость текстовой деятельности от таких экстра- и прагмалингвистических и лингвистических факторов, как *адресант* (автор), *сообщение (текст)*, *адресат* (читатель, критик), *контекст* (референтная база текста), *код* и *контакт* (средства, оформляющие и организующие общение и сообщение). Прототипический контур якобсоновской модели очевиден в опыте лингвистической типологии сверхтекстов, предложенной в работе Н.А. Купиной и Г.В. Битенской (1994). В основу своей классификации исследователи положили критерии, связанные как с внутренними категориальными свойствами сверхтекста: целостность тематическая; целостность модальная; законченность/открытость, так и с их внешними коммуникативными признаками: коммуникативная рамка, создаваемая адресантом и адресатом. Научная продуктивность данной классификации видится нам в ее потенциальной многомерности, которая обеспечивает возможность рассмотрения одних и тех же совокупностей текстов в разных аспектах, комбинациях и соотношениях. Привлекает внимание и то, что ряд классифицирующих признаков из этой типологической схемы повторяется в известных литературоведческих классификациях циклов и сходных с ними явлений, тем самым прямо или косвенно подтверждая типологическую идентичность феноменов сверхтекста и цикла.

Поскольку обретение текстом культурной значимости находит выражение в создании метатекста (метатекстов) и, следовательно, потенциального сверхтекста, постольку типология сверхтекстов должна учитывать не только сверхтексты, интегрирующие тексты первичные, но и сверхтексты, охватывающие тексты вторичные, а также первичные и вторичные – «смешанные», гетерогенные сверхтексты. Таким образом, обращение к модели литературной коммуникации и метакоммуникации, и прежде всего к их начальным звеньям, представленным фигурой автора, которая многоаспектна, полифункциональна и, следовательно, «многолика», позволяет говорить о своего рода **парадигме авторских**

сверхтекстов и метасверхтекстов, в которую будут входить **собственно авторские** и **квазиавторские** сверхтексты и метасверхтексты – художественные, литературоведческие, литературно-критические и т.д., а также те **смешанные** разновидности, которые возникают в результате объединения тех или иных видов авторских сверхтекстов и/или метасверхтекстов.

Собственно авторские сверхтексты представляют собой объединения текстов одного или нескольких авторов (**индивидуально-авторские** и **коллективно-авторские**), включая случаи, когда автором выступает некое обобщенное лицо, народ как автор (**анонимно-авторские** сверхтексты). Индивидуально-авторские сверхтексты могут включать все тексты того или иного конкретного автора (авторов); тексты, написанные им (ими) в определенный период творчества, на определенную тему, посвященные тому или иному лицу. Следует отметить, что о существовании в культурном сознании авторских сверхтекстов с той или иной степенью обоснованности пишут такие исследователи, как В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, Н.Е. Меднис, Н.А. Кожевникова и др., что может свидетельствовать о сформированности в филологическом сознании определенного представления о данном феномене. Тем не менее эти сверхтексты требуют обнаружения и экспликации установок, способов и средств, участвующих в их конституировании.

Типичными образцами **коллективно-авторских** сверхтекстов являются сверхтексты-журналы, сверхтексты-газеты, сверхтексты-сборники. Как правило, целостность многих таких сверхтекстов мотивирована общностью мировоззренческой позиции коллективного автора (или коллектива авторов, редакции), своего рода ангажированностью, что находит отражение в доминирующей текстовой модальности, стабильном тематическом репертуаре, в направленности на один и тот же ценностно отмеченный фрагмент культурно-языковой концептосферы (Ю.М. Лотман, Т.А. Снегирева, А.В. Подчиненов, Т.Б. Фрик). Среди **анонимно-авторских** сверхтекстов, можно выделить, вслед за Н.А. Купиной и Г.В. Битенской, сверхтексты с **обобщенной анонимной авторской позицией**, а также сверхтексты с **обобщенным характеризованным образом автора** (данные разновидности выделяются ими в составе «неавторских сверхтекстов», что, на наш взгляд, не вполне правомерно). **Квазиавторскими** сверхтекстами можно назвать те, которые возникают в издательской практике, – так называемые составленные сверхтексты (различного рода сборники, альманахи, подборки, периодические издания). Заметим, что граница между коллективно-авторскими и квазиавторскими сверхтекстами диффузна, более точная классификация может строиться с учетом профессионального статуса составителя, редактора, с определением их роли в выражении сверхсмысловой установки, критерия актуальности (прецедентности) и др. Ориентация на модель литературной коммуникации логичным образом провоцирует вопрос об **адресованных и собранных** и **несобранных (рассеянных)** сверхтекстах. Если «собранный» сверхтекст – это, как правило, сверхтекст **закрытого** типа (его тексты известны, их количество определено, и они имеют компактную форму репрезентации), то ряд текстов в сверхтекстах несобранного типа **открыт** и может быть дополнен читателем по мере ознакомления с новым или неизвестным ему ранее текстом.

Примером рассеянного сверхтекста является пародийный Пушкинский

сверхтекст, анализ фрагментов которого приводится в диссертации. Его целостность обуславливается, с одной стороны, «охранительной» установкой литературной критики в лице пародистов, с другой – хрестоматийностью, прецедентностью отдельных пушкинских текстов и фактов биографии поэта, поскольку, как показывает анализ текстов, и поэты, и пародисты обращаются преимущественно именно к этому материалу («Песнь о вещем Олеге», «Цыганы», «Евгений Онегин», «Бесы», «Я памятник воздвиг себе нерукотворный»; дуэль с Дантесом, женитьба на Наталье Гончаровой и т.д.). Хрестоматийные пушкинские тексты как тексты-образцы komponуют метаструктуру пародии, представляя собой критерий и эффектное средство оценки, актуализируя метасмыслы ‘классический, образцовый’, ‘всемирная слава’ и др. Пародисты используют образные средства, ритмометрические структуры, сцены и сценарии, хранящие след пушкинского текста. Например: *Задумал поэму «Цыганы» – Да кто-то меня обскакал! Земфиру мою прикарманил, Алеко в толпе отыскал* (В. Орлов – В. Гончаров); *Чтоб отомстить неразумным боярам За крутой крепостнический гнет* (В. Орлов – А. Жигулин); *Да, есть Дантес – на каждого из нас! Сугубо личный. Ретроград. Повеса. <...> И каждый ищет случая – сгубить! И следом ходит за своим поэтом!* (Е. Вербин – В. Фирсов). Отдельную разновидность в рамках пушкинского сверхтекста могут составить многочисленные пародические использования (перепевы), в которых тексты Пушкина выполняют функцию прецедентной формы (но не объекта осмеяния), используемой в различных эстетико-прагматических целях.

Использование в качестве классифицирующего параметра принципа усматриваемой целостности сверхтекста с учетом степени его известности среди носителей культуры позволяет констатировать наличие в культурно-текстовой пространстве 1) «сбывшихся» – **актуальных** сверхтекстов (Пушкинский сверхтекст, «Штирлиц-текст»); 2) **актуализированных** сверхтекстов, целостность которых является предметом рефлексии со стороны представителей так называемой «профилированной» группы реципиентов культуры, прежде всего специалистов-филологов, критиков (Итальянский текст русской литературы); в-третьих; 3) **потенциальных** сверхтекстов, еще не «сбывшихся», актуализация которых всецело зависит от культурно-временного и субъективного факторов.

Важными критериями в типологии сверхтекстов являются критерии 1) усматриваемой общности **референта** (события, ситуации, лица) объединяемых в рамках сверхтекста текстов, который позволяет выделять различного рода **тематические** сверхтексты: **событийные, локальные, именные**; и 2) общности признака родовой, видовой, стилевой принадлежности интегрируемых текстов, который позволяет выделять **однотипно и неоднотипно структурированные** сверхтексты. Отметим, что критерий «степень структурной определенности» использован в типологической схеме Купиной и Битенской: однотипно структурированные сверхтексты состоят из однородных в родовом, жанровом, функционально-стилевом отношении текстов, а сверхтексты, неоднотипно структурированные – из неоднородных. Признаки, обозначающие родовую (проза, поэзия, драма) или жанровую природу синтезируемых текстов (рассказ, роман, эпиграмма), позволяют конкретизировать, суживать объект исследования. Так, например, поступает Н. Брауда (2002), выделяя в составе авторского сверхтекста К. Паустовского (исследователь использует термин супертекст) видовую разновидность

– супертекст рассказов Паустовского, компонентами которого являются его отдельные тексты – рассказы.

Учет критерия степени связанности, автономности текстов в составе сверхтекстового образования позволяет обозначить, с одной стороны, **сильные** сверхтексты, с другой – **слабые** сверхтексты. Сильные – это прежде всего те, целостность которых мотивирована авторским замыслом и тем или иным образом эксплицирована, как, например, у стихотворных и прозаических циклов, пародийных и пародических текстов или в общности классического текста и его прецедентных метатекстов, у некоторых журналов и др. Как правило, это актуальные сверхтексты, хотя прямой зависимости между сильным и актуальным сверхтекстом нет, поскольку актуальным может быть и слабый сверхтекст (например, популярный сборник афоризмов). Актуализированный сверхтекст также может быть как сильным, так и слабым. Авторский сверхтекст, отмеченный единством максимальной смысловой установки, тематическим и стилевым единством, что предопределяет его целостность, надо полагать, является сильным. Под статус сильного сверхтекста можно подвести также те актуализированные сверхтексты, известность которых перешагнула рамки интересов специалистов. На наш взгляд, такими сверхтекстами могли бы считаться Петербургский текст русской литературы и его одноименный метатекст, созданный Топоровым.

Среди сильных сверхтекстов, учитывая характер материальной формы репрезентации текстов (внешне выраженное сопряжение, форма аналитическая / внутренне выраженное сопряжение, форма синтетическая) и характер сцепления текстов, можно выделить, по крайней мере, две его крайние разновидности: **интегративную совокупность** (например, цикл, пародия и ее прототекст, авторский тематический сборник) и **синтетическую целокупность** – сверхтекст «свернутого» формата, в котором один текст (или многие тексты) инкорпорирован в другой. Структура интегративных сверхтекстов может иметь как **жесткий**, так и **нежесткий** характер. Жесткой структурой обладают аналитические сверхтексты, целостность которых, а также порядок следования их текстов-составляющих (особенности композиции) определен авторским замыслом. В первую очередь это свойственно поэтическим циклам. Однако при осмыслении сверхтекста, и прежде всего N-арного, открытого, признак композиционного единства может переходить в разряд факультативных, а структура соответственно может квалифицироваться как нежесткая. Можно предположить следующую закономерность: чем большее количество текстов интегрируется в сверхтекст, тем меньше степень их композиционной спаянности. Сугубо жесткий характер у структуры целокупного сверхтекста (битекста, политекста) в силу ее инкорпорированного характера, она представлена у так называемых «вторичных» текстов.

Слабые сверхтексты представляют собой совокупности автономных текстов с «нулевой» степенью связности (Л.В. Сахарный), они возникают посредством соположения текстов, имеющих нечто общее в своем содержании или обретающих нечто общее уже в силу своего соположения, которое способно активизировать механизмы ассоциирования и, следовательно, смыслового сцепления. Таким образом, их смысловое стяжение может происходить, так сказать, ad hoc. Это прежде всего так называемые квазиавторские составленные сверхтексты (литературные альманахи, жанровые антологии, различные журналы, тематические подборки, которые укоренены в журналистской практике,

публицистических книгах, тематические сборники афоризмов и пр.). Данная группа сверхтекстов разнородна по своему составу, в нее могут входить авторские, квазиавторские коллективно-авторские, анонимно-авторские как сверхтексты, так и метасверхтексты; межтекстовые связи и зависимости у них могут проявляться по-разному: или в сторону все большего ослабления (альманах, антология) или, наоборот, все большего их усиления (тематический сборник). Структура таких текстов имеет, как правило, **нежесткий** характер.

Итак, среди сильных сверхтекстов выделяются как крайние случаи, с одной стороны, сверхтексты с жесткой структурой, с другой – с нежесткой. Жесткость (ригидность) конструкции сверхтекста-целостности создается инкорпорацией – своего рода поглощением текстом вторичным текста первичного, при этом центрация как принцип, определяющий логику осмысления сверхтекста, навязывается автором вторичного текста, что находит выражение в его прагматической структуре; впрочем, это не лишает реципиента творческой свободы осмыслять текст, проявляя эмпатию по отношению к иному, не доминирующему в тексте, субъекту текстовой деятельности, например, «протосубъекту». Жесткость структуры сверхтекста-совокупности обеспечивается авторским замыслом, однако жесткость эта имеет относительный характер, поскольку в пространстве того же N-арного сильного сверхтекста будут возникать условия для вариативной смысловой навигации. Слабые сверхтексты обладают, как правило, нежесткой структурой. Вопрос о жестком и нежестком характере структуры сверхтекста лишь обозначен в диссертации и требует дальнейшего специального изучения. Типичным воплощением сильного синтетического сверхтекста является пародийный битекст, аналитического – поэтический цикл.

Понятие сверхтекста шире понятия цикла. Единство цикла, по мнению цикловедов, полностью обуславливается авторским замыслом, что находит выражение уже в заглавии, предпосылаемом автором, в жанровой форме цикла, которая охватывает, сцепляет самостоятельные произведения, инициируя циклообразующие связи, в изотопии, в сюжетно-динамическом, композиционном, образно-стилистическом единстве целого, в наличии единого образа автора или единого лирического героя. Все эти признаки в большей мере релевантны для сильного, закрытого, индивидуально-авторского сверхтекста с жесткой конструкцией, нежели для слабого, где они будут проявляться избирательно и не так ярко. Целостность сверхтекста обеспечивается принципами усматриваемой целостности, контекстуальной релевантности, смысловой центрации, которые приложимы к текстам, проявляющим ту или иную степень смысловой изоморфности. На нынешнем этапе развития теории сверхтекста возможно выделение, с одной стороны, таких его признаков, которые в большей степени являются значимыми скорее для предварительной типологии, с другой – признаков, актуальных для тех или иных его вариантов сверхтекста. Границы между выделенными разновидностями сверхтекстов имеют подвижный характер, между ними возможны взаимопереходы, пересечения, наложения.

Вторая глава *«Пародийный битекст как образец предельно-минимальной формы сильного сверхтекста»* посвящена описанию прагмасемантической модели пародийного текста, каждая из конкретных реализаций которого может рассматриваться в качестве жесткого «сверхтекста-целостности». В главе анализируются различные точки зрения на понятийную сущность пародии

(Ю.Н. Тынянов, А.А. Морозов, С.Н. Тяпков, В.И. Новиков, Г.С. Салова, Т.Т. Баева и др.), раскрываются когнитивный аспект пародийного жанротипа, прагматические и семантические особенности внешней и внутренней структуры пародийного битекста, деривационные механизмы порождения пародийного смысла. Подчеркивается значимость для адекватного овладения пародийным смыслом принципов интерпретации сверткста – профилированного прочтения и усматриваемой целостности, что предполагает обязательное знание прототекста (протослова) пародии; выбор релевантных контекстов и ценностных оснований для смысловой центрации различного рода «цельностей».

В литературной пародии один текст (прототекст) инкорпорирован в другой текст (текст-основу, созданную пародистом целостность), оценочная семантическая структура которого центрирует смысловую актуализацию прототекста и задает модус его интерпретации, тем самым между ними в рамках единой целостной структуры битекста возникают сильные межтекстовые связи, отношения контрастирования, конфликта, деактуализирующие восприятие, погружая его на уровень глубинных пластов смысла. Допустимо полагать, что осмысление и интерпретация таких конструктивно усложненных текстов, каким является пародийный текст, происходит по когнитивным схемам, которые сходны стратегиям распознавания образа, когда «субъект постоянно оперирует то выделенными признаками, то целым» (Дж. Брунер). В процессе аналитического восприятия битекст расслаивается на структурные части, и каждая из проявивших себя исходных семантических структур, обособляясь, начинает «двойную» жизнь – и как цельная единица, и как часть иной цельности, при этом в горизонте усматриваемой целостности пародии. В таком взаимодействии ассоциативно связанные исходные семантические структуры проявляют свою функциональную сущность, свое соответствие когнитивной программе (схеме, «следу»), наличествующей в нашем мозгу, в содержании метаконцепта пародийного жанротипа.

Таким образом, в основе пародийного текста можно констатировать наличие как минимум двух неоднородных семантических структур, одна из которых содержит информации о первичном акте литературной коммуникации – протодискурсе, прототексте (пародируемом тексте), протоавторе, что позволяет рассматривать ее как своего рода метонимизированный, свернутый прототекст, вторая, являясь продуктом метатворческой оценочной рефлексии пародиста, заключает в себе информацию о его системе ценностей и нормативных представлений и содержит оценочно направленные на прототекст образно-речевые средства. В составе протоструктуры можно выделить такие экспоненты протодискурса, как метонимические («прегнантные») знаки, представляющие те или иные уровни структуры прототекста, его семантического пространства, его архитектоники, различного рода аллюзивные знаки, отсылающие к эпистемическому контексту протодискурса (сведения об авторе, о времени создания произведения, его телеологии; заимствования из метатекстов пародируемого произведения и пр.). В составе метаструктуры соответственно: литературоведческую терминологию и неспециальную лексику общенаучного употребления (*Только знайте рифмами играйте: Море – вторя – лилий – белых крылей... Много весу мысли не давайте – Песнь споется без больших усилий* (Н. Гнут – В. Крестовский); метатекстовые включения, имеющие форму дескрипции

или сентенции: *Дистрофики и там – слабей атлетов И меломаны – бдительней глухих. А главное – талантливых поэтов И за границей меньше, чем плохих* (Ю. Шанин – Б. Кежун); образные выражения, репрезентирующие содержание таких литературоведческих метаконцептов, как ПОДРАЖАНИЕ/ПОДРАЖАТЕЛЬСТВО с модальной рамкой “и это плохо”, СТИЛЬ (*Треском рифм наполню свет. Как звонки двуконных конок, Стих мой тонок, ломок, звонок, – Звону много, смыслу нет* (А. Измайлов – С. Городецкий); ГРАФОМАНСТВО: *Пока пишу я, вижу – гениально! А напишу и вижу – графомань!* (В. Завадский – Р. Бухарев); оценочные и экспрессивно-оценочные средства, зачастую инвективного характера, сниженную лексику, ориентированную на стихию, традиции народной культуры, а также элементы просторечия как языкового коррелята массовой культуры; прецедентные имена и тексты: *Ах! Нервы всем не первый год Щекочет наш шекспирик!* (В. Орлов – Ю. Кузнецов); речевые средства, представляющие стереотипы; прототипические жанровые формы (анкета, дневник, письмо и пр.), которые позволяют маркировать план пародийно-лирического субъекта, апплицировать субъектов внешней и внутренней текстовой деятельности, прибегать к приемам ролевой игры и др. Обозначенные исходные структуры, взаимодействие которых определяет специфику «внутренней жизни» сверхтекста, характеризуются не только разнородным содержанием, но и функциональным разнообразием.

В пародийном сверхтексте характер оценочно-смысловой, комической, модализации задается прежде всего метаконцептом жанра пародии – пародийным жанротипом, заключающим в себя жанровую комическую модальность, имитативно-игровую и оценочную установки, представление о несимметричных, принципиально неравноправных оценочно-статусных отношениях коммуникантов, поскольку личность пародиста предстает в роли коммуникативного лидера, судьи, носителя тех эстетических ценностей, которые претендуют на статус нормативными. Конфронтативный характер отношений между партнерами коммуникации находит выражение в оценочно маркированных словесных рядах пародии, отражается в навязываемом способе смысловой центрации, намечая пути для интерпретативных линеаризаций текста. Между тем точка зрения автора прототекста в пародии оказывается представленной опосредованно и тенденциозно.

В конкретном тексте выделенные прагматические установки текстуализируются посредством имитативно-оценочной техники, уникального, маркированного индивидуальным стилем словесного материала. Протоструктура репрезентирует образ пародируемого объекта и очерчивает предмет критической оценки, а также путем демонстрации тенденциозно отобранного протоматериала выражает его оценку, поскольку «выбор всегда оценка, даже без решающих звеньев суждения» (Э.Г. Аветян). И в этом плане протокомпоненты являются функционально двойственными, амбивалентными. В целом, протоструктура актуализирует такие признаки жанротипа пародии, как имитативность, игровое начало, оценочная направленность.

Метаструктура обуславливает модус и содержание оценочной интерпретации пародируемого текста и конституируется словами-образами, которые прямо или опосредованно апеллируют к концептуально-ценностной системе литературной критики (метаконцептам), к индивидуально-авторской системе ценностей,

отражает такие жанровые особенности пародийного текста, как ценностно-оценочная направленность, полемическая диалогичность, игровое начало. Смысл пародийного текста, как и его комизм, порождаются в процессе постижения специфики взаимодействия компонентов его исходных семантических структур. Это взаимодействие предполагает как их взаимное притяжение и схождение (обнаружение изоморфизма), так и их взаимное отталкивание, контрастирование (установление алломорфизма). Обе эти тенденции действуют на всем протяжении пути поиска смысла и в принципе не предполагают какой-либо строгой последовательности деривационных шагов (линейности). Более того, на любом этапе осмысления текста всегда возможен возврат к предыдущим шагам с целью проверки, корректировки обрабатываемой информации. С тенденцией взаимоотталкивания разнородных компонентов связывается содержание деривационных шагов, направленных на делимитацию пародийного знака и текста в целом, на выявление конституирующих пародийный битекст экспонентов протоструктуры и метаструктуры и осмысление их функциональной нагрузки и соотношений. Допустимо полагать, что установка на делимитацию исходит из содержания жанротипа пародии, т.е. она адресована жанрово-структурной компетенции читателя. Пародийный знак предстает как знак, в котором осуществляется своего рода частичная или полная аппликация экспонентов, восходящих к знакам разнородной информации – с одной стороны, от автора прототекста, с другой – от пародиста. При этом в пародийном знаке могут совпадать как сами разнородные элементы, так и их составляющие, которые могут принадлежать к разным сторонам (выражения и содержания), уровням, участкам семантической организации исходных структур. Механизм взаимодействия двух потоков информации в целостном пародийном тексте придает общению с ним творческую, интеллектуальную напряженность, побуждая подыскивать релевантные для той или иной цельности контексты, и интерпретатор одновременно оказывается как бы в двух сферах – наличной, постоянно напоминающей о себе, и искомой, воспринимаемой с должной мерой реальности.

Проблема целостного восприятия пародийного сверхтекста рассматривается в главе в прагматическом аспекте, который может быть раскрыт только путем моделирования конкретной коммуникативной ситуации, в снятом виде присутствующей в пародийном тексте, и тех деривационных процессов, которые обуславливают «внутреннюю жизнь» сверхтекста. Осмысление цельно-единого, сверхусложненного битекста пародии предполагает своего рода восстановление в синхронии его деривационной истории (Л.Н. Мурзин, Т.В. Симашко), осознание его семантической производности, восприятие в одной синхронной плоскости двух разнородных, разновременных сущностей, двух разных, конфликтующих между собой субъектно-ценностных позиций. Решению этих когнитивных задач способствует информация эпитекстов – текстов-спутников, прагматически ориентированных на субъекта восприятия, сопутствующих пародийному тексту или вмещающих его. Ими могут быть, с одной стороны, преамбула, примечания, послесловие, создающие для пародии своего рода гипертекстовую структуру – систему эксплицированных ссылок. С другой – литературный фельетон, рецензия, обзор, письмо, и в этом случае пародия предстает в качестве их структурно-композиционной единицы. Эпитекст содержит в себе релевантное число допущений (метавключений), позволяющих читателю адекватно воспринять

замысел пародиста, овладеть смыслом пародии, и выполняет функцию смысловой центрации, определяя векторы линеаризаций в сверхтекстовом пространстве, очерчивает горизонт целостности. В главе рассмотрены такие структурные типы эпитекстов, как предтексты (предисловия, «врезки» и пр.), посттексты (послесловия), адтексты (примечания, сноски и пр.), амфитексты (вмещающие, «обрамляющие» пародию тексты – фельетоны, письма и пр.), интексты (пародийные и непародийные, однородные и неоднородные эпитафьи, эпитафьи-мистификации), а также проанализированы их функции.

Эпитексты значимы для восприятия внутренне цельного пародийного битекста прежде всего потому, что в их семантическом пространстве, как и в пространстве пародии, наличествует система прагматических актуализаторов, ориентированных на содержание жанрового метаконцепта и, следовательно, филологическую компетенцию субъекта текстовой деятельности. Выделены и описаны в структурно-функциональном аспекте следующие разновидности прагматических актуализаторов: 1) прогностические, которые активизируют релевантные жанротипу пародии стратегии интерпретации пародийного текста, предопределяя горизонт жанровых ожиданий (номинация жанра, пародийные эпитафьи, «клички», псевдонимы, архитектурные приемы и др.); 2) компенсующие, которые восполняют и/или актуализируют имеющиеся у читателя знания о ситуации общения (протодискурсе), объективированной в пародийном тексте; 3) делимитативные, которые, будучи адресованы «компетенции структурирования текста» (Р. Богранд), способствуют аналитическому расчленению битекста, конституирующих его пародийных знаков; 4) диагностические, которые позволяют идентифицировать характер оценочной направленности (высмеивание, вышучивание, сатирическая демонстрация ничтожества и пр.) пародии; 5) игровые, которые участвуют в порождении пародийного комизма; 6) оценочные, которые, с одной стороны, позволяют имплицировать интеллектуальную оценку прототекста, соотнося объект познания – прототекст и его свойства с теми или иными нормами с учетом их эстетического содержания или понимания эстетической составляющей в художественном творчестве, определить степень ценности, значимости пародируемого произведения для критика как выразителя интересов, мнений, предпочтений той или иной референтной группы; с другой – испытать воздействие эмоционально-экспрессивного начала оценки, проявляющегося в пародии нетривиально, через посредство эмотивно-образных средств, оформляющих комические ситуации, связанные с витальными ценностями человека, с феноменом языковой игры. Для реализации пародийной оценки значим прием амплификации, с помощью которого выдвигаются определенные элементы прото- и метаструктуры, что позволяет идентифицировать предмет пародийного осмеяния, прояснить модус интерпретации прототекста, который навязывается пародистом.

Система прагматических актуализаторов как регулятивный, операционный компонент представлена в содержании метаконцепта (жанротипа) пародийного текста. Она предопределяет стратегии порождения и осмысления текстов пародийного жанра. Прагматические актуализаторы могут иметь как эксплицитное, так и имплицитное выражение, при этом словесные ряды, соотносимые с теми или иными прагматическими установками, не рядоположны,

они находятся в соподчинительных интерактивных отношениях, дополняя, поддерживая друг друга.

В последнем разделе главы на материале текста Дм. Минаева «Холод, грязные селенья...» и его амфитекста-фельетона, раскрывается роль принципа релевантности/нерелевантности контекста для определения жанрового статуса пародии и овладения ее структурированными и неструктурированными смыслами. Содержание эпитекста («Дневника темного человека») не только задает направление для осмысления пародии, обеспечивая ее значимым контекстом, но и способствует интроецированию в ее семантическое пространство преднайденных («состоявшихся») смыслов, которые центрируют процесс смыслопорождения. В фельетоне происходит трансформация прагмаэстетической смысловой составляющей текста «Шепот, робкое дыханье...», приписывание ему чуждого смысла-ценности: *г. Фет в жизни крестьян видел только: шепот, робкое дыханье*, иначе говоря, подмена контекста, признака релевантности, что создает возможность подвести и стихотворение, и очерки «Из деревни» Фета к одному и тому же идеологическому знаменателю: *Он не поет уже теперь: «шепот, робкое дыханье, трели соловья», но у него вырываются другие мрачные песни: Холод, грязные селенья.* Обнаруживаемая в пародии «матрица» прецедентного стихотворения заполнена экспонентами очерков Фета. Но это не значит, что протоструктура «Шепота ...» выполняет по отношению к ним исключительно роль контрастного фона, как считает, например, Вл. Новиков, поскольку она способна актуализировать не только исходный прототекст, но и, в силу трансляции смыслов в рамках единого семантического пространства фельетона, то содержание, те коннотации, которые были приобретены в нем текстом «Шепот ...». Эпитекст не только предвосхищает опознание конкретных эпизодов очерков, встроенных в «матрицу» «Шепота ...», но и предсказывает способ интерпретации выявляемого неоднородного содержания пародии, характер его оценки. Регулятивную функцию в пародийном тексте, которая предопределяет возможный порядок в процессе приписывания экспонентам исходных текстов пародии свойств то протоструктуры, то метаструктуры, выполняют имплицитные точки зрения внешних коммуникантов – критика и протоавтора. Решающая роль в порождении пародийного смысла, однако, принадлежит тому субъекту речи, который задает угол зрения, модус интерпретации пародии. В этой связи, думается, не следует упускать из виду и те возможные импликации (смыслы), которые рождаются в результате взаимодействия эротического содержания, пробуждаемого цитатными словесными рядами «Шепота ...», со смыслами (стереотипами), исходящими из сопряженных социально-релятивных концептов крепостника и крепостного, которые активно участвуют в организации концептуального пространства фельетона. Эротические коннотации и смыслы, актуализируемые семантической структурой «Шепота ...», и культурные ассоциации (стереотипы), пробуждаемые соответствующими фрагментами эпитекста, являются источником дополнительных смыслов, направленных на выражение оценочного отношения к прототекстам пародии и их автору.

Глава **третья** посвящена описанию собранного, сильного, жесткого, неоднотипно-структурированного сверткста журнального типа – «Свистка», сатирического приложения к журналу «Современник», выходявшего в 1859–1863 гг. (всего девять выпусков). В начале главы рассматривается вопрос о целостности

журнальной структуры «Свистка», отмечается, что она предопределена, во-первых, единством эстетико-идеологических установок его авторов, создающих единый коллективный образ автора «Свистка» – носителя и пропагандиста вполне определенной идеологической и эстетической программы, ценностно-художественной системы, во-вторых, используемыми авторами единственными принципами отбора и объединения материала, в-третьих, главенствующей в журнале комической модальностью. Важнейшим прагматическим фактором единства данного сверхтекста является ведущая роль Добролюбова в подготовке и издании «Свистка». В сверхтексте система эстетико-идеологических ценностей Добролюбова и его сотоварищей максимально маркирует создаваемый ими образ реальности (модель мира), посредством чего последняя обретает «протяженность» и «непрерывность», индивидуальную маркированность образно-семантической конструкции. Таким образом, благодаря единству реализованных в «Свистке» телеологических и коммуникативно-прагматических установок временные, жанровые и индивидуально-авторские особенности интегрируемых им текстов уходят как бы на второй план, что сообщает «Свистку» художественную самодостаточность и смысловую целостность.

Далее рассматривается вопрос о сверхтекстовой комической модальности, посредством которой в «Свистке» разрушалась одна идеологическая мифология и утверждалась другая. Непосредственный анализ материала предваряется обоснованием принятого в диссертации понимания категории текстовой модальности, уже – комической текстовой модальности как средства, обеспечивающем целостность сверхтекста, создающем его прагмаэстетическое, стилевое единство. В текстоведении модальность рассматривается как важнейший фактор порождения текста, его категориальный признак, как речевое воплощение образа автора, как средство выражения субъективной оценки, которая ориентирована на понятие нормы, и эмоции, исходящих из сферы внешнего или внутреннего субъекта текстовой деятельности. Поскольку текстовая модальность сопрягает в себе смысловые линии, идущие из таких коммуникативных инстанций, как автор, реципиент, действительность, культурно-смысловое пространство, содержание высказывания, постольку ее можно рассматривать в качестве средства, способствующего организации целостности художественного произведения, выявлению идейно-эстетических позиций писателя, особенностей языковой личности, в качестве системообразующего фактора художественного текста и идиостиля в целом (Л.Г. Барлас, И.Р. Гальперин, Т.В. Романова и др.). В сверхтексте находит своеобразное выражение и акцентированная жанровая модальность, актуализируя «пафос жанра», создавая особый оценочно-коннотативный (модусный) угол зрения, своего рода оценочную перспективу, оттеняя, обогащая, усиливая экспрессивные возможности субъективной текстовой модальности, представляя аксиологическое содержание коллективного сознания, его ценностные установки, идеалы и т.д. (Б.П. Иванюк). В реферируемой диссертации описание средств реализации текстовой модальности осуществлялось с ориентацией на когнитивный подход к изучению данной категории, апробированный, в частности, в работах Т.В. Романовой, которая рассматривает текстовую модальность в сопряжении с модальными концептами, поскольку они заключают в себе «прототипические модели поведения или сценарии которые задают последовательность мыслей, желаний и чувств» (А. Вежбицкая).

Разделяется в реферируемой работе взгляд на ироническую модальность как модальность скрытую, как особую художественную форму выражения авторской оценочной позиции (С.И. Походня).

Доминирующая в «Свистке» установка на осмеяние, «освистывание всего порочного, бесчестного и не достойного человека» предопределяет выдвижение на роль ключевых концептов (метакоцептов), концептов смеха (= свиста), маски, игры, связанных между собой отношениями смежности, дополнительности, подчиненности, включения. К их содержанию обращены и сквозной в «Свистке» метакомплекс тем и мотивов (обмана, кажимости, эфемерности, подложности, подражания, избрания – увенчания – развенчания – умерщвления карнавального короля (шута), телесности, одиночества на чужом празднике и пр.), и «готовые предметы», ключевые слова-образы (*свист, шум, визг, вой, кнут, розги, юноша, цветы, новый, мрак, балаган, мороз, весна* и др.), и сюжетные ходы, способы организации семантического пространства (параллелизм, антитеза, сравнение, сопоставление, пародия, иносказание и др.), и приемы, оптимально реализующие игровое начало и способствующие выражению иронической модальности: литературная маска, иносказание, пародия, «чужое слово», псевдонимы, эпиграфы, антифразис, ассоциативная и ситуационная ирония и пр. Активизация содержания «смеховых» концептов, их ассоциативных связей способствует созданию в свертхтексте единой иронико-саркастичной атмосферы, определению игрового, смехового способа интерпретации фактуальной информации.

Как своеобразный прагматический ключ, настраивающий восприятие на соответствующий комической модальности лад и переключающий интерпретацию в режим языковой игры, поиска сокрытого смысла, рассматривается в диссертации заглавие сатирического приложения – «Свисток». Являясь гемемеронимом, название «Свисток» активизирует фрейм “периодическое издание” во всей совокупности его концептуальных репрезентантов и отношений (“автор”, “текст”, “читатель”, “социально-культурный контекст” и др.), способствуя тем самым восприятию прагматической информации. Смыслы, заключенные в концепте СВИСТ (СВИСТОК), актуализируясь, проецируются на когнитивные единицы из сферы знаний о периодических изданиях, проясняют метонимический и метафорический код словесных употреблений, обозначающих варианты реализации определенных эпизодов и компонентов сценария коммуникативного взаимодействия.

В работе характеризуется смысловая структура концепта *свиста*, отмечаются его генетические связи с концептами *смеха, шипения, шума, нечистой силы*, доказывається, что в текстах «Свистка» данная архетипическая связь служит основой для реализации комических приемов. Как комплексный прагматический актуализатор, заглавие в приложении, с одной стороны, выполняет функцию прогнозирования и порождения направленных смыслов, их сгущения путем возбуждения ассоциативно-смысловой зоны концепта СВИСТ с последующим проецированием их на релевантные мотивно-тематические структуры (**свист** – гласность; **свист** – казнокрадство; **свист** – еврейский вопрос; **свист** – война в Италии; **свист** – чистая поэзия и т.д.), а с другой стороны – кумулятивную функцию, «собирая», интегрируя порождаемые смыслы. Тем самым в рамках свертхтекста происходит обогащение и модификация содержания этого концепта.

Во второй части главы обосновываются тезисы о том, что заглавие

приложения выступает модально-смысловой опорой центрирования текстов в единую смысловую структуру сверхтекста, предопределяет возможность одновременного развития большого количества сквозных тематических и мотивных линий, отправными точками для которых являются разные языковые и речевые значения слов *свисток*, *свистеть* и их ближайших ассоциатов: 'издавать, производить свист'; 'подражать', 'пародировать'; 'выражать неодобрение, осуждение'; 'осмеивать'; 'отзываться на общественно значимые события'; 'хвастаться'; 'болтать'; 'бездельничать'; 'оскорблять'; 'воровать' и др. Эти значения и смыслы взаимодействуют, иерархизируются, одни из них выдвигаются, другие, едва проявляясь, создают значимый эмотивно-ценностный фон (контексты), сказываясь в семантике тех или иных языковых единиц и текстуальных структур, усиливая их суггестивные свойства. Составляющие словесного ряда «свист» характеризуются оценочно-смысловой полифонией, обусловленной соотносительностью как с точкой зрения авторов «Свистка» и их единомышленников, так и их идейных противников. Ср.: *Мой свист облегчал их сердечные раны и и не свист, а вой какой-то, а все свистом называют.*

Созданию единого сверхтекстового концептуально-семантического пространства благоприятствуют также явные и опосредованные смысловые связи, возникающие между эпиграфами к разным текстам «Свистка» и, соответственно, между этими текстами. Так, в «Науке и свистопляске» эпиграф: Что возмутило вас? Волнения Литвы? Пушкин через посредство смысловой оппозиции “свой/чужой”, заключающей в себе как этнофобные стереотипы, так и смыслы концепта ПАТРИОТИЗМ, обнаруживает связь с другим эпиграфом в этом же фельетоне: Domine, libera nos a furore normannorum!... (№ 4). Ключевые слова-образы эпиграфа, их семантические компоненты повторяются не только в разных текстах фельетона, но и в иных текстах «Свистка». В то же время оценочный заряд актуализируемой пушкинским эпиграфом крылатой фразы: *О чем шумите вы, народные витии* – проецируется в контексты, в которых изображаются ситуации общественного скандала, оживления, в частности, в те из них, в которых имя Каткова упоминается в связи с его статьями о польских мятежниках, а далее через посредство образов сопцов, сопелковцев и дервишей в тексты «Песни московского дервиша», «Сопелковцы» с эпиграфом из Евангелия: *Сопцы и народ молвяц* (№ 9). Устойчивая в сверхтексте аналогия “шум – молва, общественное волнение” обуславливает смысловую взаимосориентированность, к примеру, текстов «Науки и свистопляски» и «Письма из провинции», снабженного эпиграфом из «Умиряющего Тасса»: *Какое торжество готовит древний Рим? Куда текут народа шумны волны?* (№ 1). Словесный ряд, связанный значением ‘шум’, один из самых обширных в сверхтексте. Экстенсивация данного словесного ряда за счет ассоциативно вовлекаемых в сверхтекст образных единиц из элегии Батюшкова влечет создание эффектов интертекстуального параллелизма: *древний Рим и литературная братия; готовящееся Римом торжество и пыщется гору родити; куда текут народа шумны волны и куда направляется литературная процессия; шумны волны и шумная история.* Интересно, что смыслы, исходящие из актуализируемых текстов Батюшкова, Пушкина, оказываются в «Письме» сопряженными со смыслами используемых крылатых фраз из «Горя от ума». Таким образом, эпиграфы способствуют созданию единого в сверхтексте интертекстуального пространства.

Эпиграфы в текстах «Свистка» способствуют нелинейному восприятию сверхтекста. А нелинейность есть фактор осуществления различных смысловых линейризаций в семантическом пространстве сверхтекста, определения множества альтернативных направлений в постижении его смысловых пластов. Из эпиграфа тянутся смысловопрошающие, смыслопорождающие нити в текст (посттекст), как впрочем, и *vice versa*. Эпиграфы в «Свистке» выполняют роль интенсификации оценочного заряда концепта СВИСТ, устанавливают концептуальные связи, способствующие созданию внутренней целостности сверхтекста, его модально-оценочного единства. Оценочно-ассоциативный потенциал эпиграфов, представленных в «Свистке», актуализируется посредством смысловых реляций – между разными эпиграфами, между эпиграфами и связанными с ними прямо или опосредованно текстами и интертекстами. Словесно-концептуальные компоненты эпиграфов, включаясь в тропологический механизм как своего посттекста, так и других текстов, участвуют в расширении словесных рядов, представляющих доминантные в сверхтексте темы и мотивы, сопрягая их в едино-цельные тематические блоки, служат цели дискредитации образов идейных противников «Свистка».

В конституировании целостной структуры «Свистка» большую роль играет композиционный повтор: каждый выпуск приложения открывается предтекстом (метатекстом) в жанре вступления. В них содержится наибольшее число метатекстовых репрезентаций и толкований ключевых идеологем, слов-образов, составляющих словесный ряд «свист», находят эксплицитное выражение категории проспекции, ретроспекции, обоснования, генерализации. К толкованию значений и смыслов ключевого «модусного» слова *свист* авторы «Свистка» прибегают постоянно, используя при этом самые разнообразные формы метатекстовых конструкций: *Различные бывают свисты: свистит аквилон (северный ветер), проносясь по полям и дубравам; свистит соловей, сидя на ветке и любясь красотами творения; свистит хлыстик, когда им сильно взмахиваешь по воздуху; свистит благонравный юноша в знак сердечного удовольствия; свистит городской на улице, когда того требует общественное благо... Спешим предупредить читателей, что мы из всех многообразных родов свиста имеем преимущественную претензию только на два: юношеский и соловьиный.* В метавключениях реализуется установка на образность, призванная деавтоматизировать восприятие, фокусировать внимание на косвенно выражаемую мысль, обуславливать возникновения двусмысленных и «многосмысленных» высказываний. В функции метатекстовых включений выступают также различные виды цитатности: *Бедный Свисток! Где твоя невинность?* Таким образом, метатекстовые включения рассматриваются в данной главе как средство создания целостной структуры «Свистка». При этом в качестве метатекста мыслится не только отдельный вторичный текст, так или иначе ориентированный на прототекст, но любой направленный текст, любой направленный его фрагмент, включая заглавие, выполняющий интерпретирующую, комментирующую, оценочную функцию. В силу воздействия смыслов концепта СВИСТ, актуализированных заглавием, в метатекстовых включениях наблюдается слияние экспрессивного (образно-выразительного) и эмотивного начал, и таким образом окрашенное мнение часто доминирует над логической системой доказательств.

В главе **четвертой** «Сверхтекст В.М. Гаршина как индивидуально-авторский словесно-концептуальный феномен» обозначен один из возможных путей моделирования и описания индивидуально-авторского, сильного, нежесткого сверхтекста, каким, на наш взгляд, является Гаршинский текст, раскрывается роль трагической модальности в создании ценностно-смыслового единства сверхтекста, в особой акцентуации его этической проблематики (концепции), в конституировании его самобытного поэтического мира, доказывається значимость смыслового содержания концепта болезни для выражения максимальной смысловой установки, центрирующей сквозные семантические ряды сверхтекста посредством трагической модальности.

«Текст жизни» В.М. Гаршина (1855–1888) и его произведения теснейшим образом сопряжены в общественно-литературном сознании. Ибо Гаршин был из той породы писателей, у которых, говоря словами Дм. Мережковского, «произведения так сплетены с личностью автора, что невозможно отделить одно от другого». Трагический удел человека, ищущего пути спасения человека и мира в обезбоженном мире, – так можно определить общую для «текста жизни» писателя и его произведений «максимальную идею» (В.Н. Топоров), которая обуславливает правомерность постановки вопроса о цельно-едином Гаршинском тексте. Эта единая максимальная смысловая установка претворяется в Гаршинском тексте через **трагическую модальность**, что находит выражение в тематическом и мотивном репертуаре, в общности стиливых черт, приемах выразительности, ключевых словесных рядах, в ведущей эмоционально-трагической тональности текста, в сюжетных ходах, нравственных коллизиях, образах персонажей, в едином типе (инварианте) гаршинского героя, вобравшего черты личности писателя. Таким образом, целостность многомерного смыслового пространства Гаршинского текста обуславливается, с одной стороны, энциклопедическими знаниями о писателе, с другой – сверхсмыслами его текстов, корреспондирующими с метаконцептом ТРАГИЧЕСКОЕ и системой этических концептов совести, долга, вины, болезни и др. и центрируемыми максимальной смысловой установкой.

В главе особое внимание уделяется концепту болезни, раскрывается его содержание, доказывається, что в разных формах мировидения этот концепт используется как форма, способ осмысления человеческого существования, толкования духовной сущности мира и человека, особенно в пороговой ситуации – между бытием и небытием, жизнью и смертью. В концептосфере текстов Гаршина этот концепт является ключевым; апелляция к житейскому, духовному опыту, к сфере эмоционально-ценностных смыслов, связанных с представлениями о болезни и ее проявлениях – боли, страдании, осуществляется в сверхтексте при помощи различных текстуальных единиц. Динамические модели сценариев болезни и смерти используются писателем в качестве формы выражения глубокого философского содержания, показа контрверзы между этикой народного и евангельского христианства в вопросе следования заповеди Христовой «Не убий». Тексты Гаршина изобилуют сценами убийства и насилия («Четыре дня», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Трус», «Надежда Николаевна», «Медведи» и др.). Актуализация смыслов метаконцепта трагического, реализация трагической модальности может происходить, например, при помощи словесного ряда, который выражает в ключевой в текстах

суицидальный мотив. В изображении повторяющихся из рассказа в рассказ сцен покаяния, раскаяния, осознания роковой ошибки, трагической вины задействуются одни и те же словесные формулы, соматические речения, которые воспринимаются в контексте скорее не как штампы, а как оптимальные, наиболее эффективные, уже в силу своей привычности, средства эмоционального воздействия на читателя и одновременной актуализации трагических смыслов. Вот типичное для Гаршина изображение состояния отчаяния героя, когда он переживает «трагедию совести»: *Я задыхаюсь! Люди! придите вы все сюда на помощь, и пусть хотя бы один из вас мне скажет, отчего все происходит: я не убийца, я не вор. Всю жизнь бежал от крови и всяких преступлений, но нет мне покоя* (<Голоса>). Сценарий, сцены, мотивы и образы болезни и смерти, призванные выразить **трагическую** идею несовершенства человеческого мира и самого человека, болезни социального организма, их несоответствия гуманистическим принципам, обеспечивают целостность художественного мира Гаршина, целостность его сверхтекста. При этом каждый из таких компонентов, повторяясь, отражаясь в другом, обеспечивает ему смысловую глубину, полифоничность, максимальную экспрессивность, философическую обобщенность. Избыточность лексики, которая прямо или косвенно апеллирует к смысловым признакам, пропозициям, концепта БОЛЕЗНЬ (*мука, тоска, смерть, война, единица, капля в море горя и мук – массы людей, груды мертвых и еще стонущих окровавленных тел*), способствует актуализации содержания метаконцепта ТРАГИЧЕСКОЕ, таких его актуальных признаков, как: *печальные, мрачные события, столкновение непримиримых сил, нравственных принципов, неизбежная гибель; неспособность к компромиссу, власть могучих страстей и безудержных желаний; тяготение неумолимого рока; «последние» вопросы жизни, трагический разлад человека и общества, трагическое мироощущение, трагедия совести* и др. Активизация этих признаков-пропозиций усиливает «интеллектуальность» сверхтекста, проясняет его концепцию.

Трагическое как когнитивная модально-ценностная составляющая (метаконцепт) данного сверхтекста и как соотносимая с нею лингвопоэтическая категория трагической модальности, которую можно определить как преломленное, воплощенное в словесно-образную структуру текста трагическое отношение к миру реальности, служит мотивирующим основанием для направленных ассоциативных сцеплений и динамических взаимодействий сквозных в сверхтексте словесных рядов, для направленных актуализаций смыслов, сообразных его концепции. Трагическая текстовая модальность находит выражение на всех уровнях организации художественной структуры сверхтекста, но более полно, интенсивно проявляется на субъектном уровне структуры сверхтекста. В качестве средств актуализации содержания метаконцепта ТРАГИЧЕСКОЕ и сопряженных с ним этических концептов выступают сквозные в сверхтексте словесные ряды, составляющие которых «заряжены» трагической семантикой, постоянный репертуар сцен и сценариев насилия, болезни, раскаяния. Описание лингвопоэтического аспекта категории трагического – трагической модальности, которая играет роль центрирующей эмоционально-смысловой установки в отношении Гаршинского текста, выступает его интеллективно-коннотативным основанием, – это одна из первостепенных задач, требующая решения при моделировании данного словесно-концептуального феномена.

Глава **пятая** «*Петербургский текст З.Н. Гиппиус как индивидуально-авторский сверхтекст локального типа*» содержит результаты исследования авторской вариантной реализации Петербургского текста русской литературы.

Имя З.Н. Гиппиус прочно ассоциируется с Петербургом. Россия, ее география, история, культура, мыслилась Гиппиус как нечто единое, но концентрируемое именно Петербургом, в Петербурге. Тексты петербургской проблематики – большая часть творческого наследия поэта, ее авторского сверхтекста, – составляют Петербургский текст З.Н. Гиппиус. Этот сверхтекст создавался ею в первые десятилетия XX в. Путь спасения Петербурга, России – а это господствующая проблема Петербургского текста русской литературы – виделся Гиппиус в пробуждении религиозно-общественного сознания в русской интеллигенции. В Петербургском тексте, говоря словами В.Н. Топорова, «бесчеловечность Петербурга» оказалась «органически связанной с тем высшим для России и почти религиозным типом человечности, который только и может осознать бесчеловечность, навсегда запомнить ее и на этом знании и памяти строить новый духовный идеал». Эта крайне противоречивая суть Петербурга – Петрограда отчетливо проявляется в Петербургском тексте Гиппиус, в нем нашла отражение ее центральная мировоззренческая, ценностная установка: «земное» представлено здесь антитетически: и как профанное, рабское, хамское, дьявольское, всеобъемлющее, попирающее высшие нравственные ценности, и как сакральное, божье, святое, отражающее «небесное», противоборствующее с дьявольским, пошло-земным: *Но не страшно... И только скука, что кругом – все рыла тлей. Тли по мартовским алым зорям прошли в гвоздевых сапогах. Душа на ключе, на тяжком запоре. Отврат... тошнота... но не страх* («Тли»); *Не в звездных пространствах – Он ближе, // Он в прахе, в пыли и в крови. // Склонись, чтобы встретил Он, ниже, // Склонись до земли – до любви* («Псалмопевцу»).

Образ личности Гиппиус, ее «текст жизни», развернутый по стреле времени, рассматривается нами как фактор, обуславливающий целостность сверхтекста, задающий ценностные координаты для осмысления его динамического смыслового пространства. Ю.М. Лотман подчеркивал, что «граница личности есть граница семиотическая», а пространство текста есть индивидуально-авторская модель мира, следовательно, различные пересекающиеся, непрерывно примыкающие друг к другу пространства текста – фактуальное, мифологическое, функционально-языковое, интертекстуальное могут идентифицироваться, интегрироваться на основе объединяющей их «мировоззренческой категории» – образа личности автора. Поэтому в первом параграфе главы раскрываются особенности поэтического мира Гиппиус, эволюционный характер ее концепции творческой личности и в данном аспекте рассматривается вопрос о смысловых корреляциях ключевых образов ее поэзии и публицистики. Сопоставительный анализ критических и поэтических текстов Гиппиус позволяет говорить о том, что ее путь «жизнетворчества» был отмечен тремя вехами, вполне ею осознанными и запечатленными в поэтических образах и критических суждениях, – это декадентство, индивидуализм, «новопутейство» (общественно-религиозная деятельность). Каждый из этих этапов был знаменован интересом к личности, ее сущности, размышлениями о предназначенности человека, поэзии, поэта. Поэтическое мыслилось Гиппиус всегда в неразрывной связи с религиозным. При этом созданный ею же поэтический образ – «средство сгущения мысли»

(А.А. Потебня) – в ее литературно-критических, публицистических текстах подвергался «разобращению», анализу, в результате мысленный субстрат образа обнажался, выражаясь в развернутых тезисах: Ср.: «Мне никого не надо. Пусть меня не поймут! Скрытое в моей душе – пусть выльется отрывочными словами; я знаю то, что их соединяет. Пусть образ будет извне крив и дик: в моей душе я сливаю невысказанное с высказанным – и он прекрасен!» («Нужны ли стихи?») и в лирике: *Никто меня не поймет – и не должен никто понять. Мне душу страдание жжет, И радость мешает страдать* («Другой христианин», 1901); *Мое одиночество – бездонное, безгранное; но такое душное; такое тесное...* («Не знаю», 1901); *Не хочу, ничего не хочу, Принимаю все так, как есть. Изменять ничего не хочу, Я дышу, я живу, я молчу* («Как все», 1901). И наоборот, пульсирующая мысль аналитика, ее движение от конкретного к абстрактному, к обобщению обретало в поэтическом тексте, образе свою логически мотивированную завершенность, смысловую емкость, глубину и сгущенность, повышенную экспрессивность и ассоциативность, направленную в сферу мировоззренческих и художественных концептов. Данная особенность сообщает словесно-концептуальное единство текстам Гиппиус, обуславливает метатекстовые взаимопроекции между поэтическими и критическими текстами, способствующие созданию сверхтекстового цельно-единства. Метатекстуальность как конститутивная черта сверхтекста поэта способствует выдвиганию ключевых словесных рядов, мотивов, аспектуализации концептуально-семантического пространства, центрации смыслов относительно доминантной смысловой установки сверхтекста, усилению суггестивности. Основные темы в лирических произведениях Гиппиус суть Бог, Любовь, Человек, Свобода, Дьявол, Двойник, которые находят выражение в различных мотивах (тема при этом функционально сливается с мотивом) – душевной раздвоенности, тоски, трагического одиночества в мире разобщенных людей, разлада между действительностью и мечтой, устремленности к абсолютным истинам и осознания их недостижимости, стремления к Богу и безверия. Вот характерный пример из ранней лирики, в которой эти мотивы звучали особенно настойчиво и резко: *Но знаю, миру нет прощенья, Печали сердца нет забвенья, И нет молчанью разрешенья, И всё навек без измененья И на земле, и в небесах* («Однообразие», 1895). Религиозно-философские категории (концепты), составляющие основу мировоззрения поэта Гиппиус, находят выражение в разветвленных словесных рядах, цементирующих сложнейшую конструкцию ее единого поэтического текста: *Бог, Господь, Учитель, Извечно-Суций, Христос, Иисус, Высокий, Мессия, Повелитель и суши, и морей; Мария; сатана, дьявол; Иуда: Услышит Бог. Кругом светло. Он даст нам сил разбить стекло* («Стекло», 1904). В период активного обсуждения идеи религиозной общности не только образ горнего, но и дольного приобретает у Гиппиус преимущественно положительные коннотации: *Слова любви горят на всех путях, // На всех путях – и горных и долинных* («Слова любви», 1912). Для Антона Крайнего, как, впрочем, и для других участников петербургских Религиозно-философских собраний, «христианство» – это полная, личная вера в одну Божественную Личность»; «жажда «Церкви», – общности, соединенности людей не без Христа, а со Христом, – эта жажда есть уже показатель путей и времен. Данный тезис Гиппиус имеет и поэтическую форму воплощения: *Но в Третий час к Создавшему, приникнув, воззови, – И Сам придет Защитником*

рожденной Им – Любви («Час третий», 1906).

В публицистических и поэтических текстах Гиппиус периода революционных потрясений происходит резкая поляризация двух составляющих понятия общественности – «стадной общественность» и «общественности истинной». Понятие-образ *стадной общественности* попадает под воздействие смысловых проекций концептов *зверя*, *антихриста*, *хама*, ключевых как в ее текстах, так и в текстах Мережковского. В сверткесте поэта рационалистический образ-концепт *стадной общественности* обширно амплифицируется, создавая сквозной словесный ряд: *челядь, толпа, стадо, воз, куча, свалка* и др.: *Не мы, не мы... Растерянная челядь, Что, властвуя, сама боится нас! Все мечутся, да чьи-то ризы делят, И все дрожат за свой последний час* («Петроград», 1914). В стихотворениях Гиппиус 1916–1918 гг. человек в переломный период истории предстает растерянным, мятущимся, несвободным, бессильным: *И топот, и вой, и крики, и в метании люди, люди... От них окна не закрою, я сам – живой или мертвый? Мы думали, что живем на свете... но мы воем, воем – в преисподней* («На Сергиевской», 1916). Поэтом акцентируется мысль о том, что звериная толпа находится в полном подчинении Зверю-антихристу: *Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой, Смеются пушки, разевая рты... И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, Народ, не уважающий святынь!* («Веселье», 1917). Мироззрение Гиппиус, ее система ценностей – это ключ к лингвокогнитивному коду ее текстов. Творческая эволюция Гиппиус, отмеченная вехами декадентства, индивидуализма, «новопутейства», отразилась в вариантных реализациях единого типа лирического субъекта, в возрастании удельного веса слов-образов, изображающих земной мир, общественно-политические реалии; в перестройке образно-эстетической системы.

Концептуальная сфера (пространство) Петербургского текста замкнута на многомерном концепте «ПЕТЕРБУРГ», который включает в себе устойчивые смыслы, или иначе – пропозиции, связанные с Петербургом как «местом памяти» (Ю.Н. Караулов) и в эксплицитном или имплицитном виде представленные в текстах, составляющих Петербургский текст русской литературы. Актуализировать пресуппозиции Петербургского текста могут самые разнообразные языковые единицы (многие из них входят в состав «локально»-петербургского словаря В.Н. Топорова), которые можно рассматривать и как вербальное отражение, проекцию смысловой сферы, организуемой концептом Петербурга, и как конституэнты семантического пространства Петербургского текста, проявляющие направленность в сферу концепта ПЕТЕРБУРГ, коррелирующие с теми или иными его смысловыми составляющими. В тексте при помощи данных единиц, фокусирующих на себя энергию актуальных для Петербургского текста смыслов, реализуется не только ситуация сообщения, но и, в силу их прецедентности, ситуация метасообщения. Тем самым создается многоплановость текстуальной единицы: с одной стороны, она выражает смысл, соответствующий денотату (ситуации, т.е. обозначаемому в сообщении положению дел) высказывания, с другой – она участвует в актуализации релевантных для нее метасмыслов, относящихся к той или иной ценностной сфере концепта ПЕТЕРБУРГ, в образовании соответствующих модально-оценочных рамок. Конфликт разных смыслов предопределяет семантическую глубину слова-образа, его многомерность.

Если ориентироваться на уже обозначенные в исследованиях Петербургского

текста, и прежде всего Топоровым, смыслы (пресуппозиции), определяющие его концептуальное единство, список которых хотя и имеет открытый характер, но достаточно обозреваем, то, полагаем, в качестве одного из возможных решений проблемы описания смысловых составляющих (пластов, зон, полей) данного концепта, может стать дедуктивный подход, учитывающий информационно-ценностный характер пресуппозиций. В этом, заметим, убеждают результаты тех исследований, авторы которых решают задачу «рассмотреть основные когнитивные признаки одного из главных концептов русской культуры – концепта «Петербург», например, на материале блоковской поэзии (Л.Н. Авдонина). Выявляемые посредством индуктивного анализа текстов поэта концептуальные признаки данного концепта оказываются идентичными тем «предсмыслам» и смыслам, которые в той или иной форме уже представлены Топоровым в его описании «сверхсемантического» пространства Петербургского текста. Таким образом, совокупность смысловых единиц концепта ПЕТЕРБУРГ рассматриваются в реферируемой работе в качестве пресуппозиционного (апперцепционного) фонда Петербургского текста, своего рода базы для осуществления интеллективно-эмоциональной, творческой деятельности – порождения и имплицирования его смыслов. В работе описываются следующие группы пресуппозиций:

1. **Фактуальные**, представляющие энциклопедические, тривиальные знания о тех явлениях, ситуациях, событиях, которые имели или имеют место в жизни Петербурга, и это не требует специальных доказательств ((*Петербург*) – ‘северная столица России’; ‘город, расположенный на Неве’; ‘основан Петром I’, ‘подвержен наводнениям’) Многие пресуппозиции фактуального характера не требуют вербальной экспликации из-за своей очевидности, другие же являются достоянием профилированного реципиента культуры, тем не менее роль и тех и других в тексте велика, поскольку при их посредстве осуществляются так называемые тезаурусные связи. Значимость данных пропозиций заключается и в том, что, будучи актуализированными, они как бы подготавливают сознание к творческому восприятию, осмыслению языковой формы, при котором «факты и мысли наливаются соками жизни» (Э. Аветян).

2. **Ценностно-интерпретационные**, заключающие в себе результат оценочного осмысления, интерпретации тех или иных фактов, явлений, событий, связанных с Петербургом, его реальной жизнью, с его отображением в духовном опыте человека, нации ((*Петербург*) – ‘город официальный, казенный, город чиновников’; ‘город духовный/бездуховный’; ‘город, в котором жить невозможно’). Ценности конституируют культурно-смысловую реальность сверткста, его цельно-единство, они обуславливают устойчивость сверткстевой системе. Преднаденные ценности являются пусковым механизмом для осуществления корреляций между релевантными, ценностно значимыми смыслами, заключенными в те или иные концепты Петербургского текста, и текстуальными единицами, апеллирующими к актуальным для него самого и его автора ценностям. При этом направленность этих единиц на оценку вовсе не обязательно имеет эксплицитное выражение, она может проявляться непрямо, через прагматику, коннотацию, соотносительность с эмоционально маркированными ситуациями и предметами. Поскольку пресуппозиции имеют прагматический характер (они всегда субъективно окрашены), постольку,

благодаря им, в тексте инициируется столкновение разных точек зрения, создается полемическое поле, усиливается заряд суггестивности. Своеобразной ценностно-языковой рефлексией является осмысление Петербурга как активной силы, одушевленного существа, некоего живого социального организма, субъекта действия, носителя эмоций, физического и психического состояния, каузатора положительных или отрицательных чувств и эмоций. Таким образом, для субъекта восприятия Петербургского текста смыслы данного плана обладают объективными ценностными значимостями, в то же время эти представления и ценностные характеристики имеют тенденцию опосредованно репрезентировать ценностные позиции различных социальных общностей, личностей, в которых те или иные из них локализованы. Представляется возможным выделить в рамках ценностно-интерпретационных пресуппозиций отдельную группу **модусно-оценочных** пресуппозиций ('Петербург вызывает положительные/отрицательные чувства, эмоции'; 'страдание Петербурга каузирует ответное чувство сострадания, сопереживания' и т.п.). Субстратом данной разновидности пресуппозиций являются так называемые «процедуры оценивания (эмоции, чувства, вкусы, идеалы, нормы, каноны, образцы)», которые производятся на основе ценностных представлений, способов и критериев (Соловьев). Подчеркнем, что выделение данной подгруппы имеет наиболее шаткий характер в силу синкретичности тех и других пресуппозиций.

3. **Библейско-мифологические**, заключающие в себе смыслы, которые возникли в результате осознания Петербурга как сакральной сущности под влиянием мифологической картины мира и во взаимодействии с ней (*Петербург*) – 'благое (святое) место' – 'проклятое место', 'город дьявола'; 'живет на краю, над бездной, на грани смерти' – 'воскреснет после искупления грехов, принятых страданий, смерти'). Традиционные идеи петербургской апокалиптики составляют мифологический пласт смыслов концепта НЕВА: 'вода как сила, несущая гибель, разрушение, смерть'. Для мифологического пласта концепта существенными являются прежде всего внутренние формы топонимов *Санкт-Петербург*, *Петербург*, *Петроград*, а также смыслы религиозно-мифологического характера: (*Петр*) – 'хранитель ключей от небесного царства'; 'любящий/предаяющий Христа, отрекающийся от него'; 'подвижник, мученик'.

4. **Прецедентно-текстовые**, аккумулирует смыслы, актуальные для петербургских текстов, ими же порожденные, а также те метасмыслы, которые обрели известность благодаря многочисленным метатекстам. Примером последних, например, могут быть следующие: «маленький» человек способен бросить вызов власти'; 'Петр I (Петербург) – виновник трагического «разрыва в отношениях между частной личностью и великим государством'. Актуализировать концепт того или иного текста, входящего в текстовую концептосферу Петербургского текста, может любая текстуальная единица, проявляющая смысловую смежность, сходство с релевантной единицей воспринимаемого текста, при этом явной отсылкой к концепту прецедентного текста будет знак-цитата. Актуализаторами прецедентно-текстовых пресуппозиций в Петербургском тексте выступают прецедентные имена: *Державин*, *Пушкин*, *Достоевский*; *Фальконе*; *Петр I*, «*Медный всадник*»; *Евгений Онегин*, *Раскольников* и др., прецедентные высказывания: *Ужо тебе!..* (Пушкин), *Природой здесь нам суждено В Европу прорубить окно, Ногою твердой стать*

при море (Пушкин); поэтические формулы: *белые ночи, красный дьявол*, прецедентные тексты, включая «суммативные», выделенные Топоровым, – кумулирующий одическую традицию «Люблю»-текст, «наводненческий» текст, возникший на основе народного мифа о водной гибели города и усвоенный литературой. Следуя логике Топорова, представляется возможным выделять также цельность, которую условно можно назвать «всадник»-текстом, или «конь»-текстом, которые выступают носителем темы Медного всадника. Обнаруживаемая в текстовой составляющей Петербургского текста цитата или реминисценция из прецедентного для него текста не только конституирует некий интекст, или интертекст, но и провоцирует актуализацию релевантных для прототекста метасмыслов. При этом вписывание в текст новых смыслов отнюдь не размывает его границы, «а, напротив, увеличивает число и интенсивность ассоциативных связей внутри текста и тем самым утверждает его целостность» (Б.М. Гаспаров), в то же время метасмыслы задают процессу осмысления новую траекторию, значительно расширяя культурный контекст, включая механизмы профилированного прочтения текста, которые, интенсифицируя «диалог личностей-культур» (В.С. Библер), позволяют обнаруживать в нем несистемные, неструктурируемые явления, определять своеобразие индивидуально-авторской ценностной и языковой картины мира.

Отдельный параграф данной главы посвящен анализу смысловой роли направленных интертекстовых и межтекстуальных связей, циркулирующих в рамках Петербургского сверхтекста поэта. Так, ключевой в Петербургском тексте Гиппиус мотив *огня* с архетипическим смыслом «привести землю, воду, воздух – к свету, а наше тело – к глазу и уму» (Г. Гачев) начинает проявлять в ее «Лазаре» смыслы, исходящие из таких, к примеру, актуальных для него вероятностных текстов-ассоциатов, как: *Твое холодное кипенье Страшной бездвижности пустынь; Те пятна, ржавые, вкипели...* («Петербург», 1909); *Ранняя муть кипит. ...Заржавленной пеной Взлетая под мостом. Я бросил мой ненужный, Мой ключ – в кипенье вод* («Ключ», 1924 г.); *Еще кипели злобно волны, Как бы под ними тлел огонь* (Пушкин «Медный всадник»); *И второй Ангел вострубил и, как бы гора великая. Огнем сжигаемая ввержена была в море, и стала третья часть моря кровью* (Апокалипсис, 8.8). Члены словесного ряда *кипенье вод – тлеющий огонь – красная лейка – рыжее кружево – заржавленная пена...* вызывают неназванные представления, актуализируют библейско-мифологические, текстово-прецедентные смыслы, тем самым расширяя и углубляя ассоциативно-смысловой потенциал семантических единиц «Лазаря», обуславливая совмещение пространств реального настоящего, исторического и мифологического. И как следствие, текст «Лазаря» оказывается пронизанным мотивом панхронизма, всевременности, заряженным апокалиптической идеей возмездия, Божьей кары и одновременно Спасения, возрождения. Направленные ценностно-смысловой установкой сверхтекста, межтекстуальные и интертекстовые связи укрупняют, уплотняют контекст каждой текстовой составляющей сверхтекста, способствуют смысловому сгущению образов, высвечивают идейно-смысловое ядро сверхтекста, сопрягают в едино-цельную конструкцию разновременные планы, реальное и сакральное.

Итак, Петербургский текст З.Н. Гиппиус мыслится нами как центрируемое авторской максимальной установкой внутреннее единство концептуального и

семантического пространств, которые являются взаимообусловленными, которые взаимодействуют, соотносятся друг с другом, но не являются изоморфными. Ассоциативно-образный потенциал словесных рядов Петербургского текста поэта находится в непосредственной обусловленности от максимальной смысловой установки Петербургского текста, от мировоззренческих установок поэта, от направляемых ими корреляций между языковой семантикой и концептуальными смыслами, составляющими содержание концепта ПЕТЕРБУРГ. Смысловый импульс, возникающий на основе актуализированной и преактуализированной семантики образно-языковых единиц, проецируется в сферу релевантного концептуального содержания – сферу пресуппозиций, обогащается им, порождая неструктурированные смыслы и возможности новых контекстуализаций, обеспечивающих смысловую глубину текста и расширяя его смысловой горизонт.

В **Заключении** сделаны общие выводы по работе, намечены перспективы исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Издания, рекомендованные ВАК РФ

1. *Лошаков А.Г.* Пародия как литературно-критический текст / А.Г. Лошаков // Вестник Поморского ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2003. – № 2 (4) – С. 48–57. (0,7 п.л.)

2. *Лошаков А.Г.* Проблема организации сверхтекста: принцип центрации, предельные формы / А.Г. Лошаков // Вестник Поморского ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – № 4. – 2006 (б). – С. 77–80. (0,4 п.л.)

3. *Лошаков А.Г.* Проблема концептуально-семантической организации сверхтекста (на материале «Свистка» – сатирического приложения к журналу «Современник» / А.Г. Лошаков // Филологические науки. – 2007 – № 4. – С. 19–28. (0,8 п.л.)

4. *Лошаков А.Г.* «Грусть мира поручена стихам»: линвопоэтический анализ стихотворения Г.В. Адамовича «Холодно. Низкие кручи...» / А.Г. Лошаков // Русский язык в школе. – 2007. – № 1 – С. 59–64. (0,5 п.л.)

5. *Лошаков А.Г.* Рассказ В.М. Гаршина «Трус» в контексте авторского сверхтекста / А.Г. Лошаков // Русский язык в школе. – 2008. – № 2. (0,7 п.л.)

6. *Лошаков А.Г.* Сверхтекст как понятие и реальность культурно-языкового пространства / А.Г. Лошаков // Преподаватель XXI век. – 2008 (0, 5 п.л.; в печати)

7. *Лошаков А.Г.* Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования / А.Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008 (0,7 п.л.; в печати)

8. *Лошаков А.Г.* Об авторской парадигме сверхтекстов / А.Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008 (0,6 п.л. в печати)

II. Монографии

9. *Лошаков А.Г.* Литературно-критический текст: метатекстуальность, семантика, прагматика, интерпретация / А.Г. Лошаков // Семантика слова, образа, текста: Монография / Отв. ред. А.А. Камалова; А.Г. Лошаков. – Архангельск: Поморский ун-т, 2004. – С. 187–316 (8,1 п.л.) [Монография подготовлена к печати при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Интеграция науки и высшего образования России на 2002 – 2006 г. Госконтракт № Ц 3005/2016 от 28.08.03»]

10. *Лошаков А.Г.* Петербургский текст З.Н. Гиппиус / А.Г. Лошаков, Е.А. Гавришук // Семантика слова, образа, текста: Монография / Отв. ред. А.А. Камалова; А.Г. Лошаков. – Архангельск: Поморский ун-т, 2004. – С. 317–365 (3 п.л.) [Монография подготовлена к печати при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Интеграция науки и высшего образования России на 2002 – 2006 г. Госконтракт № Ц 3005/2016 от 28.08.03»]

11. *Лошаков А.Г.* Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен: Монография / А.Г. Лошаков; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2007. – 344 с. (21,67 п.л.)

III. Публикации в других изданиях

12. *Лошаков А.Г.* Константы в структуре пародийного текста / А.Г. Лошаков // Семантика и грамматика в речевой коммуникации: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Т.Е. Воронина. – Днепропетровск: Днепропетр. гос. ун-т, 1991. – С. 51–58. (0,4 п.л.)

13. *Лошаков А.Г.* Деривация пародийного текста / А.Г. Лошаков // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики: Тезисы докладов / Ин-т языкозн. АН СССР; Перм. ун-т. – Пермь: Перм. ун-т, 1991. – С. 102–103 (0, 2 п.л.)

14. *Лошаков А.Г.* О прототексте в семантической структуре пародии / А.Г. Лошаков // Структура и семантика слова и текста: Сб. науч. статей. – Кривой Рог, 1993. – Рукопись депонирована в ГНТБ Украины. – № 1728, УК от 13.08.93. (0,5 п.л.)

15. *Лошаков А.Г.* О прагматических установках пародийного текста / А.Г. Лошаков // Текст и методика его анализа: Материалы VII междунар. науч. конф. Ч. 2. Художественный текст: теоретический и лингвометодический аспекты его анализа / Ин-т языкознания им. А.А. Потебни; Ин-т русского языка РАН; Харьковский гос. пед. ун-т им. Г.С. Сковороды. – Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1994. – С. 83–86. (0,25 п.л.)

16. *Лошаков А.Г.* Пародия и ее эпитекст (на материале текстов Н. Добролюбова и Д. Минаева) / А.Г. Лошаков, Т.В. Симашко // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 20. – Воронеж: Петровский сквер, 1994. – С. 65–66. (0,2 п.л.)

17. *Лошаков А.Г.* О прагматических установках пародийного текста / А.Г. Лошаков // Языковые единицы в системе и тексте: Сб. науч. статей. – Рукопись депонирована в ГНТБ Украины. – № 2096. УК от 19.09.1995. (0,5)

18. *Лошаков А.Г.* О смыслокоординирующей функции эпитекста пародийного текста / А.Г. Лошаков // Язык: антропоцентризм и прагматика: Сб. исследований по антропосемиологии / Сост. А.М. Холод. – Киев–М.: Междунар. исследов. центр ЧЯКП, г. Кривой Рог, 1995. – С. 134–142. (0,7 п.л.)

19. *Лошаков А.Г.* О динамической структуре пародийного текста / А.Г. Лошаков, Т.В. Симашко // Семантика слова, образа, текста: Тезисы междунар. конфер. / Отв. ред. А.А. Камалова – Архангельск: Изд-во Поморского междунар. пед ун-та, 1995. – С. 30–31. (0,1 п.л.)

20. *Лошаков А.Г.* Поэтика пародийного эпитафа / А.Г. Лошаков, Т.В. Лошакова // Семантика слова, образа, текста: Тезисы междунар. конфер. / Отв. ред. А.А. Камалова – Архангельск: Изд-во Поморского междунар. пед. ун-та, 1995. – С. 29–31. (0,1 п.л.)

21. *Лошаков А.Г.* Выдвижение образца как способ пародийной оценки (на

материале пародии Н. Добролюбова «Первая любовь») / А.Г. Лошаков // Структурные и функциональные параметры речевых единиц: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Т.С. Пристайко. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ун-та, 1995. – С. 88–94. (0,5 п.л.)

22. Лошаков А.Г. О выразительных возможностях амплификации в пародии / А.Г. Лошаков // Проблемы культуры, языка, воспитания: Доклады и науч. сообщения преподавателей и аспирантов Северодвинского гуманитарного ин-та Поморского междунар. пед. ун-та. – Вып. 2. – Архангельск, 1996. – С. 137–142. (0,4 п.л.)

23. Лошаков А.Г. О семантической деривации пародийного текста / А.Г. Лошаков // Проблемы культуры, языка, воспитания: Науч. статьи и материалы преподавателей и аспирантов Северодвинского гуманитарного ин-та Поморского гос. ун-та / Отв. ред. С.В. Козлов. – Архангельск, 1998. – С. 26–34. – Вып. 3. (0,6 п.л.)

24. Лошаков А.Г. Еще раз о том, кого и как пародировал Н. Добролюбов в «Первой любви» (о взаимодействии внешней и внутренней структур пародийного текста) / А.Г. Лошаков // Семантика слова, образа, текста: Сб. науч. тр. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1998. – С. 67–71. (0,7 п.л.)

25. Лошаков А.Г. Литературная пародия как полемический метатекст / А.Г. Лошаков // X Ломоносовские чтения: Доклады и тезисы. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1998. – С. 99–100. (0,1 п.л.)

26. Лошаков А.Г. О концептуальной нагрузке чисел в новелле Вс. Гаршина «Ночь» / А.Г. Лошаков, О.С. Лепехова // Проблемы гуманитарного знания: на рубеже веков: Материалы межвузов. науч. конфер. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1999. – С. 100–102. (0,2 п.л.)

27. Лошаков А.Г. Тема Петербурга в поэзии З.Н. Гиппиус / А.Г. Лошаков, Е.А. Биричевская // Проблемы гуманитарного знания: на рубеже веков: Материалы межвузов. науч. конфер. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1999. – С. 89–91. (0,2 п.л.)

28. Лошаков А.Г. «Война Рима с Карфагеном» и ее отражение в «Поэтической чепухе, или Отрывках из нового альманаха «Литературное зеркало» / А.Г. Лошаков // Res philologica: Уч. записки СФ ПГУ / Отв. ред. Э.Я. Фесенко. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1999. – С. 46–56. – Вып.1. (1 п.л.)

29. Лошаков А.Г. «Развяжите его. Пусть идет»: опыт интерпретации стихотворения З.Н. Гиппиус «Лазарь» / А.Г. Лошаков, Е.А. Биричевская // Res philologica: Уч. записки СФ ПГУ / Отв. ред. Э.Я. Фесенко. – Архангельск: Поморский ун-т, 2000. – С. 150–158. – Вып.2. (1 п.л.)

30. Лошаков А.Г. Экспрессивные возможности категории вида в художественном тексте (на материале рассказов И.А. Бунина) / А.Г. Лошаков, Ж.В. Коновалова // Проблемы культуры, языка, воспитания / Отв. ред. П.В. Лизунов. – Вып. 4. – Архангельск: Поморский ун-т, 2000. – С. 98–104. (0,5 п.л.)

31. Лошаков А.Г. Концептуализация сферы творчества в литературно-критических текстах / А.Г. Лошаков // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Материалы Междунар. науч. конференции / Отв. ред. Т.В. Симашко. – Архангельск: Поморский ун-т, 2002. – С.165–166. (0,1 п.л.)

32. *Лошаков А.Г.* Идеино-образные и метатекстовые проекции концепта 'болезнь' в произведениях В.М. Гаршина / А.Г. Лошаков // Проблемы литературы XX века: в поисках истины: Сб. материалов по результатам Всеросс. науч. конфер. молодых ученых «Проблемы литературы XX века: В поисках истины» / Сост. и отв. ред. Э.Я. Фесенко. – Архангельск: Поморский ун-т, 2003. – С. 46–71. (1,6 п.л.) [Реферирована в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: РЖ / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч. информ. исслед. Отд. литературоведения. – М., 2004. – № 3. – С. 189–191.]

33. *Лошаков А.Г.* Символика чисел и концепт 'болезнь' в произведениях В.М. Гаршина / А.Г. Лошаков, О.С. Лепехова // Проблемы литературы XX века: в поисках истины: Сб. материалов по результатам Всеросс. науч. конфер. молодых ученых «Проблемы литературы XX века: В поисках истины» / Сост. и отв. ред. Э.Я. Фесенко. – Архангельск: Поморский ун-т, 2003. – С. 71–78. (0,4 п.л.) Реферирована в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: РЖ / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч. информ. исслед. Отд. литературоведения. – М., 2004. – № 3. – С. 189.]

34. *Лошаков А.Г.* О концепции творческой личности в литературно-критических и поэтических текстах З.Н. Гиппиус / А.Г. Лошаков // Проблемы литературы XX века: в поисках истины: Сб. материалов по результатам Всеросс. науч. конфер. молодых ученых «Проблемы литературы XX века: В поисках истины» / Сост. и отв. ред. Э.Я. Фесенко. – Архангельск: Поморский ун-т, 2003. – С. 93–99. (0,4 п.л.) [Реферирована в: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: РЖ / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч. информ. исслед. Отд. литературоведения. – М., 2004. – № 3. – С. 191.]

35. *Лошаков А.Г.* Литературно-критический текст как метатекст / А.Г. Лошаков // Res philologica: Уч. записки СФ ПГУ / Отв. ред. Э.Я. Фесенко. – Архангельск: Поморский ун-т, 2004. – С. 8–16. – Вып.4. (0,6 п.л.)

36. *Лошаков А.Г.* О смыслопорождающей роли эпитафия в «Письме из провинции» Н. Добролюбова / А.Г. Лошаков // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Сб. науч. тр. / Отв. ред., сост. Т.В. Симашко; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2005. – С. 409–417. – Вып. 2. (0,5 п.л.)

37. *Лошаков А.Г.* Гипертекст как форма представления информации / А.Г. Лошаков // Проблемы культуры, языка, воспитания: Сб. науч. тр. – Вып.7. / Сост. и отв. ред. Р.В. Попов. – Архангельск: Поморский ун-т, 2005. – С. 72–80. (0,7 п.л.)

38. *Лошаков А.Г.* Гипертекст и сверхтекст в текстоведении / А.Г. Лошаков // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Сб. науч. статей / Сост. и отв. ред. Л.В. Чалова; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2005. – С. 70–81. (0,6 п.л.)

39. *Лошаков А.Г.* Пушкинский контекст в литературной пародии / А.Г. Лошаков // Лингвистика и поэтика. 2: Сб. науч. статей / Отв. ред. Н.А. Николина. – М.: ЦГЛ, Московский педагогический гос. ун-т, 2005. – С. 145–154. (0,6 п.л.)

40. *Лошаков А.Г.* Центрация как принцип моделирования сверхтекста / А.Г. Лошаков // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе / Отв. ред. А.Г. Пастухов – Вып. 3. – Орёл: ОГИИК, 2006. – С. 58–67. (0,7 п.л.)

41. *Лошаков А.Г.* Цельность как фактор моделирования сверхтекста / А.Г.

Лошаков // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Сб. науч. статей. – Вып. 2. / Отв. ред. Л.В. Чалова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2006. – С. 6–11. (0, 4 п.л.)

42. Лошаков А.Г. О некоторых теоретических предпосылках и основах формирования концепций сверхтекста / А.Г. Лошаков // IV Масловские чтения: Сб. науч. статей / Науч. ред. С.А. Антошина. – Мурманск: МГПУ, 2006. – С. 97–100. (0,4 п.л.)

43. Лошаков А.Г. «Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок» как сверхтекст журнального типа / А.Г. Лошаков // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: Материалы I Междунар. науч. конфер. (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.): в 4 частях / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Юнити, 2006 (а). – Часть 2. (Серия «Филологический сборник». Вып.8). – С. 226–237. (0,9 п.л.)

44. Лошаков А.Г. О сильных (ригидных) и слабых (релаксидных) сверхтекстах / А.Г. Лошаков // Актуальные проблемы современной лингвистики: сб. материалов междунар. науч.-практ. конфер. «Иностранные языки и литературы в системе регионального высшего образования и науки» (12 апр. 2006 г.), посвящ. 90-летию Перм. гос. ун-та / Перм. ун-т; под ред. Н.С. Бочкаревой. – Пермь: Перм. ун-т, 2006. – С. 106–112. (0,4 п.л.)

45. Лошаков А.Г. Гипертекст в постмодернистской парадигме / А.Г. Лошаков // Прагматика и семантика слова и текста: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.А. Савелова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2006. – С. 122–131. (0,5 п.л.)

46. Лошаков А.Г. Эпиграф в журнале «Свисток» Н. Добролюбова как средство реализации текстовой и сверхтекстовой модальности / А.Г. Лошаков, Е.П. Яковлева // Прагматика и семантика слова и текста: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.А. Савелова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2006. – С. 143–148 (0,5 п.л.)

47. Лошаков А.Г. «Мальчик с Библией» и Лагерный сверхтекст Тадеуша Боровского / А.Г. Лошаков, Т.В. Лошакова // Диалог языков и культур: Теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр./ Сост. и отв. ред. Т.С. Нифанова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2007. – Вып. 1. (0,5 п.л.)

48. Лошаков А.Г. Сверхтекст В.М. Гаршина: теоретические основы моделирования, факторы целостности и связности / А.Г. Лошаков, О.С. Лепехова // Res philologica: Уч. записки СФ ПГУ / Отв. ред. Э.Я. Фесенко. – Архангельск: Поморский ун-т, 2007. – С. 160–167. – Вып.5. (0,7 п.л.)

49. Лошаков А.Г. Заглавие как центрирующий компонент в сверхтексте журнального типа / А.Г. Лошаков // Лексико-грамматические инновации в современных восточнославянских языках: Материалы III Междунар. науч. конфер. 19–20 апреля 2007 г. / Днепропетровский национальный ун-т; сост. Т.С. Пристайко. – Днепропетровск: Пороги, 2007. – С. 253–258. (0,4 п.л.)

50. Лошаков А.Г. Сверхтекст: от идеи к научному понятию / А.Г. Лошаков // Семиозис и культура: Сб. науч. статей по материалам IV Междунар. науч. конфер. «Национальный семиозис (дискурсы идентичности)» 25–26 апреля 2007 г. / Отв. ред. И.Е. Фадеева. – Вып. 3. – Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2007. – С. 257–265. (0,6 п.л.)

51. Лошаков А.Г. «Костер лучистой энергии»: лингвопоэтический анализ стихотворения Г.В. Адамовича «Лубок» / А.Г. Лошаков // Res philologica: Уч. записки СФ ПГУ / Отв. ред. Э.Я. Фесенко. – Архангельск: Поморский ун-т, 2007. –

С. 142–149. – Вып.5. (0,7 п.л.)

52. *Лошаков А.Г.* «Полная свобода частей в совершенном единстве целого»: к проблеме типологии сверхтекстов / А.Г. Лошаков // Диалог языков и культур: теоретические и прикладные аспекты: Сб. науч. статей. – Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Т.С. Нифанова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2007. – С. 205–216. (0,8 п.л.)

53. *Лошаков А.Г.* О «праве автора» и «праве текста» / А.Г. Лошаков // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвузовский сб. науч. работ / Отв. ред. А.Г. Пастухов – Вып. 5. – Орёл: ОГИИК, 2007. – С. 42–51. (0,6 п.л.)

54. *Лошаков А.Г.* Метатекстовые включения как средство смысловой когезии в «Свистке» – сатирическом приложении к журналу «Современник» / А.Г. Лошаков // Русский язык и проблемы современного образования: Сб. науч. статей / Отв. ред. Р.В. Попов. – Архангельск: Поморский ун-т, 2007. – С.113–121. (0,6 п.л.)

55. *Лошаков А.Г.* О понятии сверхтекста и его типологии / А.Г. Лошаков // V Масловские чтения: Сб. науч. статей / Науч. ред. Н.Г. Благова, Л.Т. Пантелеева. – Мурманск: МГПУ, 2007 – С. 185–191. (0,4 п.л.)

56. *Лошаков А.Г.* Проблема сверхтекста в отечественной филологии / А.Г. Лошаков // Acta Neophilologica, X. – Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmin'sko-Mazurskiego w Olsztynie, 2008. (0,7 п.л.)